

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 4

1910

А. Н. Скрябинъ.

Скульптура С. Н. Судьбина.

МОСКВА

Воскресенье 24-го января 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

Въ субботу 23-го янв. „САМСОНЪ и ДАЛИЛА“. Воскресенье 24-го янв. утромъ „КАРМЕНЪ“, вечер. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШЕКЪ“. Понедѣльникъ 25-го января съ уч. В. Люце въ 1-и разъ „ГАМЛЕТЪ“. Вторн. 26-го

янв. „НЮРЕНБЕРГСКІЕ МАСТЕРА ПѢНІЯ“. Среду 27-го января съ участіемъ В. Люце „ГАМЛЕТЪ“. Четвергъ 28-го янв. „КАРМЕНЪ“. Пятницъ 29-го января „АИДА“.

Начало спект. въ 8 ч. вечера. ☉ Билеты продают. съ 10 ч. утра до оконч. спектакля.

Дирекція С. И. Зимина.

ТЕАТРЪ

Въ воскресенье 24-го января

въ 52-й разъ

„ЭРМИТАЖЪ“

■ „НА ПОЛЮСЪ“ ■

ДИРЕКЦІЯ

М. М. Брянской и Я. В. Щукина.

ОПЕРЕТТА

подъ управ. А. А. Брянскаго.

Въ пон. 25-го января грандіозная премьера:
бенефисъ М. М. БРЯНСКОЙ „ГРАФЪ ЛЮКСЕНБУРГЪ“
ОПЕРЕТТА ЛЕГАРА.

Во вторникъ 26 января

■ „ГРАФЪ ЛЮКСЕНБУРГЪ“ ■

КАЗИНО

Тел. 221-73

Б. ДМИТРОВКА,
БЫВШЕЕ ПОМѢЩ.
КУПЕЧЕСКАГО
КЛУБА.

ЕЖЕДНЕВНО КОНЦЕРТЫ ВАРЬЕТЭ.

Г-жа Съверская и Бобъ Гопкинсъ. 5 ГРЕБНІЕВЪ 5. Стася Обербэкъ. Ла-Бланка, Анжела Леско, Терка Земмель, гг. Славыны, г. Алешинъ, исп. цыг. ром. Шеронина, Баккара, Беране и мн. др. American Bar. Cabaretconcert. Весел. корсиканцы. Начало въ 10 ч. вечера. Безпрерывн. увесел. всю ночь. Ужинъ изъ 3-хъ блюдъ 1 р. 50 к.

Гл. кап. М. Штольцъ. Режис. М. Зиберовъ. Гл. режис. П. Волгинъ.

АВТО-МУЗЫКА

— А. БЕРГМАНЪ. —

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПІАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механич. скихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПІАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

АППАРАТЫ для ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ НОТЪ.

Принимаются піанино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

Главное представительство новыхъ механическихъ піанино „VIRTUOS“.

для ТЕАТРОВЪ—КАБАРЭ:

- 1) Страница романа. Путь въ 1 карт. титл. Естеррейхера.
 - 2) Клубъ самоубійцъ. (Гузы пикъ). Драма въ двухъ карт. А. Дюполли.
- Обѣ пьесы въ изданіи журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“
дозволены къ представленію безусловно.
Можно получать въ конторѣ
журнала.

Чеховъ въ Худ. театрѣ. *Н. Эфроса*.— Судьбининъ, Коненковъ и Рерихъ. *И. Литвинова*.— Изъ театральной старины. *А. М. Пазухина*.— Москва.—Лучше слезы, чѣмъ смѣхъ. *И. Мича*.— Вѣнокъ Петербурга на могилу Чехова. *В. Базилевскаго*.— Петербургъ.— Мелочи.— Письма въ редакцію.— Парижскія письма. *В. Бинишюка*.— Письма изъ Кіева. *Я. Майскаго*.— Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: На могилѣ А. П. Чехова 17 января.— Автографъ письма А. П. Чехова къ Вл. Ив. Немировичу-Данченко.— Свѣтлою ночью. *Н. Рериха*.— Лада *С. Коненкова*.— Ванда Ландовска.— Старый домъ. *Б. Боголюбова*.— В. Н. Ильнарская.— А. Н. Скрыбинъ. Шаржъ *Д. Мельникова*.— Пазовскій. Шаржъ *О.*— На полюсъ (2 шаржа *О.*).— В. Е. Гофманъ.— Г-жа Симонъ въ „Шантеклеръ“.— П. П. Струйскій.— С. Н. Надеждинъ въ „Феѣ Капризъ“.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, С. Бирюковъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, В. Н. Гартевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, І. І. Колышко, А. И. Косоротовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Ликиардопуло, Лоло, Лознгринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макриди, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, М. Шикъ, И. О. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Андрѣ, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Чеховъ въ Художественномъ театрѣ.

„Художественный театръ,—писалъ А. П. Чеховъ въ одномъ письмѣ къ Вл. И. Немировичу-Данченко,—это лучшія страницы тѣхъ книги, которая когда-либо будетъ написана о современномъ русскомъ театрѣ“.

И самъ Чеховъ—лучшія, наиболѣе яркія и незабываемыя строки этихъ страницъ.

— Нашъ театръ въ такой степени обязанъ твоemu таланту, твоему нѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что ты по праву можешь сказать: „это мой театръ“.

Такъ публично, со сцены, говорилъ Чехову руководитель Художественнаго театра на первомъ спектаклѣ „Вишневаго сада“ шесть лѣтъ назадъ, и приблизительно за полгода до Баденвейлерской катастрофы. Всѣ точно предчувствовали, что быстро догоритъ загородная жизнь, что „Вишневымъ садомъ“ Чеховъ прощается съ русскою драматургіею, съ русскимъ зрителемъ, съ Художественнымъ театромъ. Сторожить смерть. И Москва спѣшила выразить свои чувства. Восторженные привѣты звучали, какъ грустныя прощанія передъ разлукою.

Когда Немировичъ-Данченко говорилъ: это—твой театръ,—свѣтъ тихой улыбки легъ на немного смущенное лицо Чехова. Такъ всегда улыбались его блѣдныя губы и мягкіе близорукіе глаза подъ стеклами пенсне, когда слышалъ онъ что-нибудь, что глубоко совпадало съ его сокровенною мыслью.

Это была не фраза, не ораторскій приемъ и не преувеличеніе привѣтствія. Слова можно подтвердить теперь даже статистически. Къ десятилѣтію въ Художественномъ театрѣ подсчитали цифры спектаклей. Театръ сыгралъ за этотъ срокъ 1732 раза (въ Москвѣ—1474). Изъ этого числа 464 спектакля приходятся на долю пяти чеховскихъ драмъ: „Дядя Ваня“—143, „Три сестры“—102, „Вишневый садъ“—94, „Ивановъ“—64, „Чайка“—61. Больше четверти спектаклей принадлежало Чехову. И никого не игралъ театръ такъ совершенно, нѣмыхъ художественныхъ замысловъ не постигъ такъ полно и глубоко и не передалъ въ такой красотѣ, какъ Чехова.

Это была новая фаза русской драматургіи, обогатившая нашъ художественный реализмъ, открывшая ему широкія доступы въ тайное царство тончайшихъ настроеній, къ самымъ заглушеннымъ мелодіямъ измученной русской души. И Художественный театръ нашель, создалъ образцовую сценическую форму для этого новаго содержанія чеховской драмы, смѣявшейся надъ старыми канонами эстетики, пренебрегавшей пресловутымъ „дѣйствиємъ“, но покорной высшему закону живой правды.

Сближеніе Чехова съ Художественнымъ театромъ началось съ самаго возникновенія послѣдняго. Чеховъ былъ въ числѣ первыхъ пайщиковъ и отнесся къ начинанію гг. Немировича-Данченко и Станиславскаго съ очень живымъ интересомъ. Но скоро интересоваться пришлось лишь издали. Болѣзнь легкихъ уже остро давала себя чувствовать. А осень была плохая, холодная и сырая. Врачи усадили Чехова опять въ Ялту, которую онъ не разъ въ письмахъ той поры къ московскимъ друзьямъ звалъ своимъ „Чертовымъ островомъ“, а себя—„Дрейфусомъ“. Чеховъ часто писалъ то тому, то другому изъ близкихъ къ театру, разспрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ, особенно интересовался ренертуаромъ.

Но когда г. Немировичъ-Данченко, восторженный поклонникъ чеховской драматургіи, не желавшій принять грибоѣдовскую премію за „Цѣну Жизни“, потому что считалъ „Чайку“ неизмѣнно болѣе достойною этой преміи,—завелъ съ А. П. рѣчь о постановкѣ „Чайки“, Чеховъ энергично запротестовалъ.

— Зачѣмъ же, послушайте, не нужно. Я же не драматургъ.

Такъ упрямо отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы. И подъ оболочкою шутокъ—она всегда преобладала въ рѣчи Чехова о себѣ,—жило серьезное убѣжденіе, что онъ—не для театра. Очень возможно, что убѣжденіе это сложилось подъ впечатлѣніями отъ той же „Чайки“ въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ. Нѣжная, хрупкая, въ печаляхъ рожденная пьеса совершенно не

Умогили А. П. Чехова 17 января.

(М. П. Чехова, О. Л. Книпперъ, И. П. Чеховъ).

была тамъ понята и оцѣнена ни исполнителями ни зрителями. Не разъ въ самый скорбный моментъ драмы, гдѣ подступаютъ у автора рыданія, въ залѣ звучалъ громкій смѣхъ. Актеры безпомощно метались по сценѣ. „Чайка“ безнадежно провалилась.

„Да, моя чайка,—пишетъ Чеховъ въ одномъ письмѣ,—имѣла въ Петербургѣ въ первомъ представленіи громадный неуспѣхъ. Театръ дышалъ злобою, воздухъ сперся отъ ненависти, и я, по законамъ физики, вылетѣлъ изъ Петербурга какъ бомба. Во всемъ этомъ виноваты—ты (Немировичъ-Данченко) и Сумбатовъ, такъ какъ это вы подбили меня написать пьесу“.

Письмо—полушутливое, съ обычнымъ чеховскимъ юморомъ. Но въ душу глубоко запала боль.

„Здоровье мое ничега себѣ,—пишетъ Чеховъ,—настроение тоже. Но боюсь, что настроеніе скоро будетъ опять скверное: Лавровъ и Гольцевъ настояли на томъ, чтобы „Чайка“ печаталась въ „Русской Мысли“. И теперь начнешь хлестать меня литературная критика. А это противно, точно осенью въ лужу лѣзешь“.

Изъ всѣхъ петербургскихъ исполнителей „Чайки“ автора порадовала только Комиссаржевская, игравшая Нину Зарѣчную. Нѣсколько лѣтъ спустя, рассказывая мнѣ какъ-то объ этомъ злополучномъ спектаклѣ, А. П. весь преобразился радостью, когда заговорилъ объ исполненіи Комиссаржевской, и былъ щедръ на похвалы. И такой же отзывъ попадаетъ въ его письма.

„Твою нарастающую антипатію къ Петербургу я понимаю,—пишетъ онъ Немировичу-Данченко,—но все же въ немъ много хорошаго, хотя бы, напримѣръ, Невскій въ солнечный день или Комиссаржевская, которую я считаю великолѣпной актрисой“.

Руководителямъ Художественнаго театра стоило большихъ усилій переубѣдить Чехова и вырвать у него согласіе на постановку „Чайки“. Его пугала мысль, что повторится петербургская исторія, опять придется пить изъ горькой чаши. Да и предшествовавшіе „Чайкѣ“ драматургическіе опыты не обѣщали добраго: „Ивановъ“ въ театрѣ Корша кончился подъ шипъ и свистъ, „Лѣшій“, передѣланный позднѣе въ „Дядю Ваню“, не имѣлъ никакого успѣха въ театрѣ Абрамовой. И Чеховъ былъ убѣжденъ, что „Чайка“ вторично потерпитъ злое крушеніе.

— Я же не драматургъ...

Но Чеховъ не умѣлъ долго отказывать. Не позволяла великая деликатность; геніемъ деликатности такъ была богата эта благородная натура. Чеховъ далъ согласіе на постановку „Чайки“. Да и какъ было отка-

зывать театру, къ которому онъ уже успѣлъ издали привязаться душою?

Ровно черезъ недѣлю послѣ открытія Художественнаго театра „Царемъ Θεодоромъ“, 21-го октября 1898 г., Чеховъ писалъ руководителю этого театра:

„Ты теперь очень занятой человѣкъ, директоръ, но все же пиши иногда праздному человѣку. Пиши, какъ и что, какъ на актеровъ подѣйствовалъ успѣхъ первыхъ представленій, какъ „Чайка“, какія переменны въ распредѣленіи ролей и проч. и проч. Судя по газетамъ, начало было блестящее,—и я очень, очень радъ, такъ радъ, что ты и представить себѣ не можешь. Этотъ вашъ успѣхъ еще разъ лишнее доказательство, что и публикѣ и актерамъ нуженъ интеллигентный театръ. Но отчего не пишутъ объ Иринѣ Книпперъ? Развѣ вышла какая-нибудь заминка? Θεодоръ у васъ мнѣ не нравился (А. П. видѣлъ пьесу лишь на репетиціяхъ), но Ирина показалаcя необыкновенной; теперь же о Θεодорѣ говорятъ больше, чѣмъ объ Иринѣ“.

Позволю себѣ сдѣлать еще маленькую выдержку изъ этого письма, хотя и не имѣющую отношенія къ Художественному театру, къ темѣ настоящаго очерка. Она—такая „Чеховская“.

„Здѣсь уже вовлекаютъ меня въ общественную жизнь. Назначили: въ женскую гимназію членомъ попечительнаго совѣта. И я теперь съ важностью хожу по лѣстницамъ гимназіи, а гимназистки въ бѣлыхъ пелеринкахъ дѣлаютъ мнѣ реверансъ“.

Письмо, довольно длинное, заканчивается поклонами артистамъ Художественнаго театра. „Вспоминаю о нихъ съ большимъ удовольствіемъ“.

Итакъ „Чайка“ была отдана. Начали репетировать. Немировичъ-Данченко былъ, какъ уже указывалось, давно „влюбленъ“ въ эту драму,—привожу его собственное выраженіе. Станиславскій сначала относился къ ней довольно равнодушно, не понималъ и только понемногу разрабатывая, какъ режиссеръ, постановку пьесы, незаметно вжился въ нее и безсознательно полюбилъ. Но надеждъ, такъ сказать, матеріальныхъ на „Чайку“ въ театрѣ не возлагали. А въ постановкѣ шла больше ошупью.

На генеральной репетиціи „Чайка“ особенно не клеилась. Настроение въ театрѣ было тяжелое, унылое. Точно накануне похоронъ. Къ концу репетиціи оно еще сгустилось. Въ театрѣ пришла сестра Чехова, Марія Павловна. Изъ Ялты были дурныя вѣсти: Чеховъ заболѣлъ. Стали даже говорить, не снятъ ли „Чайку“ совсѣмъ, не доводя до публичнаго спектакля. Такъ хотѣлось избавить дорогого, всѣми нѣжно любимаго писателя отъ лишннихъ страданій автора-неудачника. Но всѣ понимали: лишиться „Чайки“—это почти то же, что отказаться отъ театра, покончить съ нимъ.

Мы, публика, знаемъ, какъ прошелъ этотъ спектакль, сразу высоко поднявшій Художественный театръ, опредѣлившій на годы главное содержаніе и направленіе его работы; знаемъ, какое новое и сильное впечатлѣніе произвела „Чайка“ и какой бурный имѣла она успѣхъ. Но мы и понятія не имѣли, что въ эти часы было пережито по ту сторону занавѣса, на сценѣ и за кулисами, какой бѣшенный скачокъ сдѣлало настроеніе—отъ безнадежнаго отчаянія къ безграничному ликоваію.

Нервы у всѣхъ за кулисами были натянуты. Отъ всѣхъ актеровъ пахло валерьяновыми каплями. Имъ казалось, что первый актъ идетъ скверно, что чеховское настроеніе публики не сообщается, зрительная зала недоброжелательна и иронически усмѣхается.

И вдругъ зала закипѣла въ бурныхъ восторгахъ, а за кулисами—рассказывалъ мнѣ Вл. И. Немировичъ-Данченко—стало какъ на Пасхѣ. Всѣ цѣловались. Только кто-то, не выдержавъ такого крутого скачка

отъ отчаянія къ восторгу, забился въ истерикѣ. „Чайка“, Чеховъ, Художественный театръ были спасены, были побѣдителями.

Всю зиму Чеховъ оставался прикованнымъ къ своему „Чертову острову“. Въ Москву онъ попалъ только уже къ веснѣ, когда театральнй сезонъ кончился. Театръ рѣшилъ сыграть „Чайку“ специально для Чехова и снялъ для этого Интернаціональный театръ. Въ зрительной залѣ сидѣлъ единственный зритель—авторъ.

Какое впечатлѣніе произвела сыгранная „Чайка“ на Чехова? Общее, судя по тому, что онъ потомъ говорилъ, очень понравилось, нѣкоторые отдѣльные исполнители—нѣтъ. Меньше всѣхъ сама Чайка—Зарѣчная. Не понравился и Тригоринъ—г-нъ Станиславскій.

—Вы же прекрасно играете,—говорилъ онъ ему,—только я же этого не писалъ.

И въ поясненіе прибавилъ:

—У него же клѣтчатыя панталоны и дырявые сапоги.

Чеховъ любилъ такіа неожиданныя, лаконическія, афористическія опредѣленія, которыя часто ставили актеровъ втупикъ. И когда они пробовали добиться поясненій, просили раскрыть эти таинственныя скобки, онъ только говорилъ, не то добродушно, не то сердито:

— Я же не знаю. У меня же все написано.

И опять повторялъ свою лаконичную, казавшуюся странной характеристику, больше похожую на „особыя примѣты“.

Въ этотъ весенній пріѣздъ Чеховъ особенно близко сошелся съ Художественнымъ театромъ, заключилъ его въ свое сердце. Актеры цѣлыми днями толпились въ его маленькой, почти безъ мебели, квартиркѣ на Спиридоновкѣ, въ крохотномъ флигелѣ въ глубинѣ двора. И потомъ, тоскуя одиноко въ ненавистной ему Ялтѣ, Чеховъ часто уносился мыслями въ московскій театръ, за его кулисы, гдѣ жилъ милый ему народъ.

„Конечно, я здѣсь скучаю отчаянно,—писалъ онъ въ началѣ слѣдующаго года.—Днемъ работаю, а вечеромъ начинаю вопрошать себя, что дѣлать, куда идти,—и въ то время, какъ у васъ въ театрѣ идетъ второе дѣйствіе, я уже лежу въ постели. Встаю, когда еще темно; вѣтеръ реветъ, дождь стучитъ“...

Вся любовь къ Художественному театру сказалась во всей выразительности въ слѣдующемъ письмѣ къ Вл. И. Немировичу-Данченко, отчасти мною уже цитированномъ выше:

„Въ твоёмъ письмѣ звучитъ какая-то едва слышная дребезжащая нотка, какъ въ старомъ колоколѣ,—это тамъ, гдѣ ты пишешь о театрѣ, о томъ, какъ тебя утомили мелочи театральной жизни. Ой, не не утомляйся, не охлаждавай! Художественный театръ—это лучшія страницы той книги, которая будетъ когда-либо написана о современномъ русскомъ театрѣ. Этотъ театръ—твоя гордость. И это—единственный театръ, который я люблю, хотя ни разу еще въ немъ не былъ. Если бы я жилъ въ Москвѣ, то постарался бы войти къ вамъ въ администрацію, хотя бы въ качествѣ сторожа, чтобы помочь хотя немножко и, если можно, помѣшать тебѣ охлаждать къ сему милому учрежденію“.

Въ томъ же письмѣ въ четыре густыя страницы бисернаго почерка попадаетъ первое указаніе на „Трехъ сестеръ“.

„Пьесы я не пишу. У меня есть сюжетъ—„Три сестры“. Но прежде чѣмъ не кончу тѣхъ повѣстей, которыя у меня давно на совѣсти, за пьесу не засяду. Будущій сезонъ пройдетъ безъ моей пьесы. Это уже рѣшено“.

Любопытно сопоставить эти слова съ не разъ

Въ этомъ письмѣ я пишу, какъ у
себя слышанъ, что, правда, не
всѣмъ нравится—но я знаю, что
ты будешь о театре, о томъ, какъ
ты любишь театральный сезонъ. О,
и прощай, и свиданья! Художествен
ный театръ—это самая прекрасная
книга, которая будетъ когда-либо написана
о современномъ русскомъ театрѣ. Этотъ театръ—
твоя гордость, и это—единственный театръ,
который я люблю, хотя ни разу еще въ немъ
не былъ. Если бы я жилъ въ Москвѣ,
то постарался бы войти къ вамъ въ администрацію,
хотя бы въ качествѣ сторожа, чтобы помочь хотя
немножко и, если можно, помѣшать тебѣ
охлаждать къ сему милому учрежденію.

А. П. Чеховъ

Изъ письма А. П. Чехова къ Вл. Ив. Немировичу-Данченко.

приводившимися указаніями самого Чехова, что „Иванова“ онъ писалъ „недѣли двѣ съ чѣмъ-то“. Чеховъ, правда, быстро писалъ, но долго вынашивалъ идею и образы каждой пьесы. Любилъ, чтобы уже написанное полежало у него въ письменномъ столѣ. И, уже отдавъ рукопись театру, опять и опять возвращался къ пьесѣ, мѣнялъ, дополнял, сокращалъ, часто выкидывая цѣлыя страницы. Такъ было и съ „Тремя сестрами“.

Это была первая пьеса, на репетиціи которой Чеховъ присутствовалъ. Онъ очень боялся, чтобы военные, въ среду которыхъ вводятся „Три сестры“, не вышли у актеровъ карикатурными.

— Они же теперь стали культурные люди,—говорилъ онъ:—они все-таки вносятъ культуру въ медвѣжьи углы.

Но дожидаться спектакля Чехову не удалось. Опять вмѣшалась болѣзнь, и врачи услали его на югъ Франціи. И оттуда письмами онъ дѣлалъ вставки и перемѣны въ пьесѣ.

Чеховъ очень опасался. Въ день перваго спектакля волненіе достигло такой остроты, что Чеховъ уѣхалъ изъ Ниццы и умышленно не оставилъ своего новаго адреса,—чтобы его не могла найти телеграмма съ извѣстіемъ объ исходѣ спектакля.

Единственная пьеса, на первомъ представленіи которой въ Художественномъ театрѣ Чеховъ присутствовалъ,—„Вишневый Садъ“. Это было въ первый и—увѣ!—въ послѣдній разъ. Я уже упоминалъ объ этомъ спектаклѣ, который былъ обращенъ въ чеховскій праздникъ. „Въ спектакль перваго представленія „Вишневаго сада“ будетъ чествованіе Чехова,—писалъ мнѣ В. И. Немировичъ-Данченко.—Пользуемся его пребываніемъ въ Москвѣ“. Воспользовалась вся Москва.

„Счастье привѣтствовать любимаго родного писателя,

создавшего новую чудную страницу в великой книге русской литературы, не выпало на долю старых стѣн Малаго театра, — читала на этомъ чеховскомъ праздникѣ Г. Н. Федотова отъ имени старѣйшаго русскаго драматическаго театра и указывала, что „нашъ молодой товарищъ, Художественный театръ, тѣсно связалъ свою судьбу съ творчествомъ Чехова“. Рѣка русской драматургіи съ Чеховымъ перемѣнила свое русло. И главное ея теченіе понесло свои богатые чистые воды въ Художественный театръ, сдѣлало его чеховскимъ театромъ.

Мы видѣли выше, какъ самъ Чеховъ относился къ этому театру, какъ оцѣнивалъ его значеніе и роль. Чеховъ былъ искренно скромный и не договаривалъ. Доскажемъ за него. Тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ Художественный театръ, той большою ролью, которую онъ сыгралъ, — онъ въ очень значительной мѣрѣ обязанъ Чехову. И если для Чехова Художественный театръ — „единственный театръ, который я люблю“, то для Художественнаго театра Чеховъ — тотъ писатель, котораго онъ никогда не перестанетъ любить самую нѣжную, благоговѣйною любовью.

Н. Эфросъ.

Судьбинихъ, Коненковъ, Рерихъ.

Впечатлѣніе — мысли послѣ выставокъ „Салонъ“ въ Спб. и „Митинкова, Денисова, Коненкова“ въ Историческомъ музее, „Союза русскихъ художниковъ“ — въ Москвѣ.

Я хочу говорить о творчествѣ нашихъ художниковъ — Судьбинихъ, Коненковъ, Рерихъ.

Судьбинихъ, Коненковъ и Рерихъ — три большихъ новыхъ русскихъ величинъ съ богатѣйшимъ творческимъ кладомъ и вполне опредѣлившимися въ своемъ искусствѣ, но... дробящихъ свои художественныя силы — измѣляющихъ свое творчество.

Первый изъ нихъ — крупная русская величина, скульпторъ. Впервые съ его творчествомъ я познакомился нѣсколько лѣтъ назадъ на выставкѣ въ петербургской академіи художествъ. Я былъ очарованъ его творчествомъ въ двухъ гнилыхъ фигурахъ чудящихся-людей, вившихся другъ въ друга и слившихся своими разнотѣсными тѣлами въ гнилой борьбѣ... Это было въ періодъ бурныхъ общественныхъ переживаній.

Чѣмъ-то сильнымъ, очень большимъ повѣяло на меня отъ этой скульптуры!

Прошло нѣсколько лѣтъ, и я вновь увидѣлъ Судьбиниха въ томъ же Петербургѣ на выставкѣ „Салонъ“. Судьбинихъ! Что же стало съ его величиной? — Я жадно началъ вглядываться — тамъ было два Судьбиниха. Одинъ — та же крупная величина, другой — бездарность... „Мысль“ (бронза) и „Вронзовая зеленая голова“ (пріобр. муз. Им. Ал. III въ Спб.) — произведенія художника.

Выставка „Союза русск. художниковъ“.

Свѣтлою ночью.

Н. К. Рерихъ.

„Мысль“ — крылатая голова, бронза — (бесконечный взоръ въ пространство, энергія — носъ и какая-то недоговоренность въ выраженіи плотно-сжатыхъ и туманныхъ по линіи губахъ — мысль — и во взглядѣ, и въ губахъ...

Въ этой бронзовой головѣ — только одинъ трепетъ, творчества большого художника.

Другое его произведение — „Зеленая бронзовая голова“ — изстрадавшееся издерганное нервное лицо и какъ бы спокойное въ то же время, — какое-то непередаваемое мучительное нравственное состояніе души... — также одинъ только творческий трепетъ стихійной художественной силы Судьбиниха. А затѣмъ... бѣдный Шалипинъ! въ двухъ экземплярахъ — керамика и мраморъ — какая-то бездарная вылиха... Фотографическій портретъ Шалипина, вистѣный въ то время у меня, мнѣ больше говорилъ о „Шалипинѣ“, чѣмъ портреты — бюсты Судьбиниха.

Что это значило — я былъ въ недоумѣніи.

Теперь же я почему-то внутренне убѣжденъ, что Судьбинихъ — явленіе громадной художественной силы, не встречающей для своей творческой дѣятельности надлежащей поддержки и здоровой атмосферы и, вслѣдствіе этого, *контрастирующей* полнымъ паденіемъ творчества — и сразу, какъ бы въ протестъ — возмущеніемъ, недовольствомъ — вверхъ на большую творческую высоту.

Вотъ въ этихъ двухъ произведеніяхъ художника и въ двухъ гнилыхъ борцахъ по каталогу „Монстровъ“ — Ярость и чувствуется какая-то громадная, можетъ быть не познавшая себя, затаенная, необыкновенно властная сила художника. Какъ узнать... а если художникъ въ этой страдающей бронзовой головѣ изобразилъ свою душу, скованную какими-то невѣдомыми путями...

Коненковъ. Произведенія его я впервые увидѣлъ на томъ же „Салонѣ“, и они не произвели на меня особеннаго впечатлѣнія, кромѣ обыкновенной талантливости автора ихъ, находящагося подъ сплннымъ вліяніемъ формъ античнаго искусства или старающагося вложить въ нихъ новое содержаніе. И только здѣсь, въ Москвѣ, увидя произведенія художника на выставкѣ, недавно бывшей въ Историческомъ Музее и теперь на „Союзѣ“ — я позналъ творчество художника и его истинное. Дерево, деревянная скульптура — въ обрубкахъ деревьевъ, въ лѣсныхъ корягахъ я увидѣлъ настоящую душу художника. И кака богатая душа, такая же цѣльная и самобытная, какъ и скульптура Судьбиниха.

Въ деревянныхъ произведеніяхъ художника вылилась самобытная душа народа-ребенка, такъ искренно населявшаго лѣсъ вымыслами своей широкой фантазіи... Мнѣ пришлось испытать подобныя впечатлѣнія въ дѣйствительности, бродя въ могучихъ вѣковыхъ лѣсахъ сѣвернаго Бабулана въ Крыму. И видѣлъ тамъ въ 500-лѣтнихъ дѣдушкахъ-букахъ такіе причудливые образы съ человѣческими фантастическими формами, обросшими и зеленымъ и темнымъ мхомъ, покрытыхъ пятнами времени и разрушенія!..

Рерихъ, о которомъ такъ красиво и такъ любовно говорить С. Маковский въ своей новой и очень интересной книгѣ „Современные русскіе художники“.

Какое симпатичное явленіе въ русскомъ искусствѣ — Пѣвецъ Овѣщевъ Олегъ и во Станѣ русскихъ поэмъ... — и чему радуется С. Маковский и другіе — и очень скорбю я...

Эта искренняя и какъ бы безпросвѣтная тусклость настроенія произведеній художника дѣйствительно папачаетъ исчезать и замѣняться свѣтомъ, яркостью и чистотой товова — и, значить, приближаться къ совѣмъ уже чистой декоративности, а можетъ быть и лубку, къ которому подвигаются уже наши художники и къ которому придуть многіе изъ нихъ, ища бодрѣшаго, веселаго, жизнерадостнаго востроенія. А жаль, Рерихъ не договорилъ своего симпатичнаго „безликаго“ искусства.

Если только не поздно, милый художникъ, если еще живы ваши прежнія настроенія, создайте намъ еще *нѣчто*. Это нужно *искусству* и намъ.

Мы смотримъ. Все та же непрерывная мечта о сѣдой старикѣ, о старикѣ народной.

... „Человѣкъ“ Рериха — не русскій, не славинный и не наяръ. Онъ — древній человекъ, первобытный варваръ земли.

„Каменный вѣкъ“. Камни, *отъ которыхъ живутъ безликая душа раннихъ людей!* Онъ вѣрещъ имъ съ дѣтства, они вдохновили „его первыя художническія ощущенія“.

(Страницы худож. критики. Современные русск. художники“. С. Маковский стр. 95.)

„Бѣлая душа равнинныхъ людей“, которая живетъ въ произведеніяхъ Рериха, какъ пропикновенно понять художника С. Маковский. Но именно — онъ какъ-то *пропикъ* въ творчество художника. И послѣ этого „откровенія“ С. Маковского страстно хочется, чтобы художникъ создалъ — *давъ композицію* — воплотилъ бы вотъ эту самую *душу древняго человека* — далъ бы намъ образы этой души — я — древнихъ людей — сути своего творчества, — открылъ бы душу, — *исхину* первобытной души — *лицо первого человека* — во всемъ его величій и „безликости“.

Это страстно хочется видеть, и этого требует искусство и это—по силам художнику!!

„На этих холстах, мерцающих темной роскошью дремлющих мозаик или залитых бледными волнами цвета,—человеческие—иногда только мерещится или отсутствует. Но полупризрачный, невидимый—он в звездах.“

... „Уклоны рисунка, символика очертаний, красок, светотени, неудовимый синтез художнического видения возвращают мысль к тому же образу—символу. Къ нему („безликому“ человеку)—все творчество Рериха“ (стр. 93—94 Совр. русск. худ.).

У людей на холстах Рериха почти невидны лица. Они—безликие привидения столетий“... (93 стр.)—говорит С. Маковский о творчестве Рериха, причисляя его к художникам, которых „манит тайна души слепой, безликой, общей для целых эпох и народов, проникающей всю стихию жизни, в которых тонет отделяемая личность“ (93 стр.).

Но душа, хотя и „безликая“, жила же в каждой отдельной личности первобытов и отражалась же на всем физическом и их жизни и нетронутая—двусветная—психика здоровой целой и прямолинейной, смелой и свободностигийной души!—а вот это-то—самое сложное и трудное—заключительное—не высказано еще художником, но прошедшим весь, так сказать, подготовительный путь...

Нельзя обойти молчаньем следующее произведение на выставке „Союз“—ярко характеризующее внутреннее—доминирующее—настроение Рериха—воплотившего в себя безликую душу своих неимоверно далеких предков—первобытов—человечества. „Заклание земное“—271. В старье, так сказать, мѣхи влило новое и молодое вино—новое свѣжее тона по старой мысли, сюжету—сильно бѣгут... и как бы в зеркалѣ—в камнях, вросших вплотную в землю, отражаются их образы!.. Какая богатая вещь, но лишняя прежнего задумчиво-сумрачного духа Рериха и искренней мистичности настроенія!

Илья Литвиновъ.

Выставка „Союза русск. художников“.

Пада.

Скульптура С. Т. Коненкова.

Изъ театральхой старихи.

(Картинки, портреты, воспоминанія.)

... Опять вспоминается далекая юность, и, тѣсно связанная за нею, встаютъ въ памяти картины той далекой поры: значительно потускнѣвшіе, а порою такъ и совсѣмъ ясные портреты: грустные и веселыя, трагическія и смѣшныя картины.

Всего чаще вспоминается театр и его жрецы и жрицы. Театр—потому, что въ немъ особенно ярко «жило» и чувствовалось; жрецы,—потому, что въ числѣ ихъ было много очень типичныхъ фигуръ, граничившихъ то съ Геннадіемъ Несчастливцевымъ, то съ живучемъ и до сихъ поръ благополучно адрастующимъ Аркашкой, ну, а жрицы... Ахъ, очень хорошие были эти жрицы и жертвы на алтарь искусства оны приносили обильныя да охотно и принимали жертвы, отъ букетовъ до бриллантовыхъ колецъ и отъ бурныхъ аплодисментовъ до гимназическихъ записокъ на розовой бумагѣ съ очень пылкими фразами и съ большимъ количествомъ грамматическихъ ошибокъ...

Особенно хорошо помню я театр въ Ярославѣ, гдѣ долгіе годы антрепренерствовалъ знаменитый въ лѣтонисихъ Василій Андреевичъ Смирновъ, упоминаемый уже мною въ одномъ изъ очерковъ моихъ въ «Рампѣ».

Было это отъ начала шестидесятыхъ и до конца семидесятыхъ годовъ, такимъ образомъ, я посѣщалъ ярославскій театръ лѣтъ съ десяти и лѣтъ до двадцати съ лишнимъ,—все дѣтство, значить, и лучшіе годы юности, ну, а это даетъ мнѣ если не право, то огромное желаніе и вспомнить объ этомъ театрѣ и рассказать о немъ, при чемъ и думаю, что рассказы эти не лишены интереса, имѣютъ значеніе не для одного лишь автора ихъ,—вѣдь извѣстно, что «прошлое многому участь въ настоящемъ и даетъ матеріалъ для будущаго».

Сегодня мнѣ вспомнились не очень еще давно умершій актеръ на «героическія роли» Константинъ Антоновичъ Гаринъ*), хорошо извѣстный въ провинціи, который отлично

помнилъ его до сихъ поръ; великодушный актеръ, очень образованный человекъ, отличный товарищъ и яркій представитель вымирающаго типа Несчастливцевыхъ.

Служилъ онъ у Смирнова въ Ярославѣ, гдѣ я былъ юнымъ преподавателемъ въ одномъ изъ городскихъ училищъ, сезона 1875 и 76 годовъ и пользовался огромнымъ успѣхомъ, а въ самомъ избранномъ обществѣ желаннымъ и дорогимъ гостемъ, но... пилъ, Боже, какъ пилъ!..

Пилъ онъ періодически—«запоемъ», который продолжался не болѣе десяти дней и случался въ сезонъ разъ, много два, но ужъ зато давалъ себя знать чуть ли не всей губерніи, повергая любящую артиста публику въ грязь, товарищей—въ униженіе, антрепренера—въ отчаяніе, а туземную полицію въ тревогу...

— Костя Гаринъ запилъ!—проносилась вѣсть.

Театралы ахали и охали, зная, что измѣнится весь репертуаръ; Василій Андреевичъ Смирновъ царяналъ до крови свою лысину; кассиръ запералъ кассу и уходилъ въ трактиръ, а бравый и воинственный на видъ, но робкій и добродушный полицеймейстеръ Алкалаевъ-Калагеоргій отдавалъ полиціи приказъ: «слѣдить» и «непущать»; но «ташнить» куда бы то ни было не представлялось возможнымъ, какъ всеобщаго любимца, какъ «принятаго у губернатора» и какъ человека не только очень рѣшительнаго и сильнаго, но еще и обращавшагося «во лва рыкающаго».

«Подругой дней суровыхъ» у Гарина была молодая и очень хорошенькая актриса на роли ingénue, Милославская, умершая лѣтъ двадцать тому назадъ.

Это было созданье вѣжное, хрупкое, изящное и миниатюрное.

— Ее не любить, а жалеть надо!—говорилъ про нее одинъ актеръ.

— Въ коробочкѣ, въ розовой ватѣ надо ее хранить, а на коробочкѣ написать: «просить не дотрогиваться»,—говорилъ про свою подругу самъ Гаринъ.

И вотъ это-то малевкое хрупкое созданье одно могло и умѣло оберегать и укрощать Костю во время его запоевъ.

Бывало по ярославскому бульвару, къ ужасу обывателей и къ великому соблазну едва сдерживающихъ свой пылъ и полицейское усердіе городскихъ, идетъ Гаринъ въ этакой «альмавивѣ», несмотря на холодное зимнее утро, въ широчай-

*) Я не вспомню настоящую фамилію К. А. Гарина. Онъ студентъ казанскаго университета, а скончался въ Самарѣ въ 1903 г.

шей шляпѣ, въ певснѣ съ однимъ уцѣлѣвшимъ стеклышкомъ, огромный, широкій, словно сорвавшійся съ пьедестала какой-нибудь монументъ, а рядомъ съ нимъ, цѣпляясь за руку, быстро и часто сѣменя шагъ крошечная Милославская, нарядно и изящно одѣтая, юная и хорошенькая.

— Лиза! *)—гремѣтъ на весь бульваръ Гаринъ.—Лиза покинь меня, мое сокровище, брось!.. Развѣ можетъ нѣжная кроткая голубка жить въ одномъ гнѣздѣ съ хищнымъ, порочнымъ и злымъ орломъ?.. А я—орелъ, Лиза, орелъ!.. И я хищный орелъ, злой орелъ!.. И потому злой, что вижу кругомъ неправду, человѣческую тупость, пошлость, вижу зависть, интриги, гадости... Трупы я вижу кругомъ, дорогая Лиза, и мнѣ хочется выклевать очи у этихъ труповъ, чтобы очи ихъ не раскрылись когда-нибудь и осмѣлились глядѣть на солнце, которому противно свѣтитъ имъ!.. Вонъ видишь трупъ?..

Ванда Ландовска.

Гаринъ показывалъ на какого-нибудь мирнаго обывателя, идущаго на службу и старающагося удрать отъ замѣченнаго имъ Гарина.

— Это — трупъ, Лиза!.. Онъ еще движется, онъ вонъ съ портфелемъ идетъ творить какое-нибудь кривосудье, но онъ уже трупъ!.. Отъ него и вонъ какъ этъ трупъ... Вѣдь я, дорогая моя Лиза, играю для этихъ труповъ, отдаю имъ свои силы, талантъ, отдаю молодость; я припошу имъ, какъ живительное вино въ драгоценномъ кубкѣ, великіе дары, и трупы эти порою восторгаются, аплодируютъ мнѣ но если я устану, если я буду старъ, боленъ, такъ они станутъ шикать, свистать мнѣ, забросаютъ меня грязью, заплюютъ ядовитыми слюнами своими!.. Вотъ онъ бѣжитъ уже отъ меня, видя, что я пьянъ, презираетъ меня, жалкій человѣчишко, гордясь, что онъ трезвый и умытый!.. И долженъ выклевать ему его пошлые глаза!..

*) Можетъ быть и не «Лиза»,—я забылъ, какъ ее звали: вѣдь этому мнѣ было тридцать пять лѣтъ.

Милославская цѣпляется слабыми ручками за своего обожаемаго Костю.

— Костя, милый, дорогой, хорошій, оставь его!.. Это твой поклонникъ, я знаю его,—онъ тебя любить, онъ обо- жааетъ тебя, онъ тебя понимаетъ и цѣнитъ!..

— Овъ?.. Вотъ эготъ крычокъ съ портфелемъ?

Гаринъ останавливается, смотритъ на подругу и хо- четь.

— Ха, ха, ха!.. Да какъ же эта каракатица, эта прото- плазма смѣетъ цѣнить мевя?.. Ты знаешь ли, что лишь одѣ чистые сердцемъ созданыя могутъ понимать и цѣнить актера?.. Студенты, юныя дѣвушки, чистыя и невинныя, мальчики— вотъ кто понимаетъ меня, вотъ для кого я живу, играю, творю, а ты, Лиза, ты говоришь, что меня будетъ цѣнить эготъ... эготъ портфель съ клаузными бумагами!.. Гдѣ онъ?.. Я его долженъ уничтожить!..

Но портфель давно ужъ удралъ, а Милославская угова- риваетъ своего непагиднаго Костю идти домой, и онъ слу- шается ее.

Почти всегда милой дѣвушкѣ этой удавалось «сократить» бурвопламеннаго друга своего, но «почти» не значить—«все- гда», и бывали случаи, когда Гаринъ отъ слова переходилъ къ дѣлу и дѣйствительно «терзалъ» какого-нибудь злосчастнаго, при чемъ это ужъ неперемѣнно былъ какой-нибудь негодяй, «обидчикъ», человѣкъ дѣйствительно ничтожный и гадкій.

Въ трезвомъ состояніи Гаринъ былъ джентльменъ въ широкомъ значеніи этого слова и несомнѣнно принадлежалъ къ однимъ изъ самыхъ деликатныхъ, корректныхъ и образо- ванныхъ представителей своего сословія.

Актеръ онъ былъ великолѣпный и послѣднее время, то- есть восьмидесятые года и начало девяностыхъ, до самой смерти своей выступалъ во всѣхъ пьесахъ новаго репертуара, играя въ поволжскихъ городахъ и пользуясь огромнымъ успѣхомъ: очень многія и изъ театраловъ и изъ нынѣ здрав- ствующихъ актеровъ,—не особенно юныхъ, конечно,—и по- мнятъ его и, несомнѣнно, имъ любовались и наслаждались, во въ то время, о которомъ я говорю, то-есть въ семидесятыхъ годахъ, онъ игралъ преимущественно «героевъ» трагедій и мелодрамы и былъ веподражаемъ въ старинной, немного ва- ивной, немного ходульвой, во красочно-яркой и красивой пьесѣ «Испанскій дворянинъ», гдѣ онъ создалъ роль благо- роднаго рыцаря Донъ-Сезара-де-Базанъ, похожаго по кон- струкціи п по замыслу на Спрано-де-Бержеракъ, только по- эффектнѣе.

Нѣсколько разъ въ сезонъ шла эта пьеса,—а это въ про- вѣнціи тѣхъ временъ небывалая вещь,—и каждый разъ дѣ- лались полные сборы, приводя публику въ неистовый «ражъ», ну, а публика въ Ярославлѣ, съ его многочисленными сту- дентами Демидовскаго лица, съ его богатыми помѣщиками и купцами-милліонерами, прѣзжающими на каждый любо- пытный спектакль въ Москву, была понимающая, строгая и считалась одною изъ самыхъ требовательныхъ.

Милославская играла роль мальчика-пажа, беззавѣтно преданнаго Донъ-Сезарю и играла тоже великолепно.

Въ Москвѣ я видѣлъ въ роли Донъ-Сезара—Далматова, который считалъ эту роль «коронною», и покойнаго Але- ксандра Павловича Ленскаго. Смѣло могу сказать, что Га- ринъ былъ лучше обоихъ.

Далматовъ, превосходный актеръ на такія роли, изобра- жалъ благороднаго испанца, выродившагося, конечно, изъ Донъ-Кихота, очень ужъ изящнымъ, совсѣмъ незабытымъ въ грязныхъ тавернахъ, въ обществѣ бродягъ и разбойниковъ своего «гражданства»; Ленскій же,—подражалъ, говорилъ, Кокле- ну,—игралъ его «въ комическихъ тонахъ», и это умалю вѣлвча- вую фигуру нищаго гранда, дѣлало ее временами смѣшвою и непонятною; Гаринъ же былъ съ начала до конца рыцаремъ, немного грубоватымъ, буйно-пьянымъ, иногда и — велича- вымъ, когда онъ вспоминалъ и хотѣлъ вспоминать, что онъ грандъ Испаніи и передъ самимъ королемъ не снимаетъ своей шляпы!..

Далеко ушло то невозвратное время: «былъ былъ» по- росла, но все же это была «быль», и, право, не худо ее

вспомнить иногда — старым людям на послушание, молодым на поучение...

Очень буду рад, если мои „воспоминания“ эти доставят кому-нибудь хотя бы небольшое удовольствие, и очень боюсь, что они интересны для меня одного...

А. Пазухинь.

Москва.

Директор Императорских театров В. А. Теляковский посетил бывшего канцеляриста Императорских театров И. К. Альтани, разбитого теперь тяжким недугом. В. А. привез Альтани тысячу рублей, исходатайствованных у министра двора в виде пособия г. Альтани на лечение, независимо от пенсий. Больной Альтани был так взволнован, что В. А. Теляковский не мог его видеть: директор через сына г. Альтани передал больному, что дирекция Императорских театров никогда не забывает заслуг И. К. Альтани по организации московского оркестра.

— В. А. Теляковский присутствовал в воскресенье на балете „Саламбо“, а в понедельник на первом представлении пьесы Гитдича „Волотные огни“.

— Предполагавшаяся к постановке в Большом театре постановка оперы „Вогема“ не пойдет из-за все продолжавшейся болѣзни академика г. Корвинна, по эскизам которого должны писаться новые декорации для оперы.

Привитый в Большой театр дирижер г. Купер, по слухам, будет переведен в петербургский Малый театр.

Внезапно заболѣвшего перед вторым спектаклем балета „Саламбо“ г. Мордкина замѣнил экспромтем г. Козлов 1-й, сыгравший Мато совершенно иначе. Он имел большой и влиятельный успех.

— Пьеса А. Н. Сумбатова „Вожди“ премирована обществом русских драматических писателей.

— Труппа Малого театра приступила к репетициям двух слѣдующих новинок сезона: „Свадьбы Фигаро“ Бомарше и „Старого обряда“ Будничева. Обе пьесы репетируются одновременно: „Свадьба Фигаро“ на сцене Малого театра; „Старый обряд“ в театральном училищѣ.

В комедии Бомарше главные роли играют: Фигаро — Южипп и К. В. Бравич; графиню — г-жи Яблочкина и Левкина; Сузаппу — г. Мещковский и г. Садовская 2-я; графа — г-г. Левин и Полонский; судью — г-г. Рыбаков и Гренин; док-Базиліо — г-г. Головин и Айдаров; Бартоло — г-г. Сапкин и Гренин; Марселлану — г-жи Никулина и Гибунина; Кербуино — г-жи Газовская и Салин; садовника — г. Правдин.

„Старый обряд“ пойдет тоже с двойным составом исполнителей. В пьесѣ заняты г-жи Пашенная, Садовская 2-я, Смирнова, Рыжова, А. Щенкина, Турчанинова, Найденова и друг. и г-г. Климов, Падарин, Музиль, Рыжов, Лебедев, Садовский 2-й и др.

В Малом театре будет поставлена пьеса Гитдича „Перед зарей“, являющаяся отчасти продолжением „Холопов“.

— Для „Бранда“, возобновляемого в Художественном театре для четвертого аabonnementного спектакля, пишутся новые декорации художниками Симоновым и Сапуновым. Несмотря на газетные свѣдѣнія, сцена побѣды Бранда камнями, вслѣдствіе большой своей сложности, поставлена не будет.

Постановка „На всякого мудреца довольно простоты“ отодвигается на середину февраля; несмотря на огромное количество репетицій, режиссеры театра находят, что комедия Островского пока еще идет не в должных тонах.

„Miserere“ Юнгевича в этом сезонѣ у художественников по всѣм вѣроятіям не пойдет. Вряд ли также при возобновлении „Бранда“ поставить сложную сцену побѣды Бранда камнями, так как к концу января ей срепетировать не надѣются.

— Г. Секарь — Рожанский, выступивший на днях в „Гангозерѣ“ у С. И. Зимина, выступит в этой партіи еще два раза. Кроме того, Г. Секарь-Рожанский будет пѣть одинъ разъ Рауля в „Гугенотах“.

С. И. Зимин на днях ѣзжал в Киев и другіе провинціальныя города искать молодых силы для своей оперы.

Чеховский день принесъ наследникамъ Антона Павловича огромный авторский гонораръ, так как почти во всѣх русских театрах в этот день были поставлены

Выставка „Независимых“.

Старый домъ.

Б. Боголюбова.

чеховскія пьесы. Можно положительно сказать, что ни одинъ русский авторъ не получалъ в одинъ день такого авторскаго вознагражденія.

— В „Летучей мыши“ очередное исполнительное собраніе 25-го января будет посвящено чествованію С. Н. Малюкова.

— В. Н. Пильярскал приглашена на гастроли в Саратов в труппу П. П. Струйскаго.

В пятницу 22 января справлял свой юбилей артист Н. О. Васильевъ. Юбилеръ большую часть своей дѣятельности играл на сценѣ Малого театра. Здѣсь онъ переигралъ множество ролей. Особенный успѣхъ Н. О. имѣлъ в „Ревизорѣ“ в роли Хлестакова и в „Идіотѣ“ в роли кн. Мышкина. Последнее время г. Васильевъ состоит преподавателем в училищѣ Филармон. общества. Для юбилейнаго спектакля имѣл „Ревизоръ“.

— Э. Н. Книпперъ в будущемъ году открывает школу свободныхъ танцевъ и пластики. В школѣ будут читаться лекціи по исторіи танца, по исторіи древняго искусства, искусства эпохи Возрожденія, также бесѣды по вопросамъ искусства. В этомъ году постановъ г-жа Книпперъ предполагаетъ устроить вечеръ свободныхъ танцевъ, в которомъ она выступитъ какъ исполнительница.

В „Эрмитажѣ“ в среду съ успѣхомъ прошло в пятидесятый разъ обзорѣе „На полюсѣ“, давшее дирекціи за все время около шестидесяти тысячъ рублей валоваго сбора.

— В „Эрмитажѣ“ бенефисъ З. Ф. Бауеръ прошелъ съ успѣхомъ. Бенефициантка выступила в двухъ роляхъ „Веселой Вдовы“ и „Терезы въ Тайнахъ гарема“ и обѣ провела весело и непринужденно. Было много подношеній.

— Петербургская антрепренерша фарсовой труппы г-жа Валентина-Линъ снимаетъ театр „Эрмитаж“ на пятую и шестую недѣли поста. На вторую и третью недѣли поста снимаетъ театръ петербургскій антрепренеръ г. Казанскій подѣ спектакли „Театръ ужасовъ“.

27-го января в Сергіевскомъ Пародномъ Домѣ состоится юбилейный спектакль артиста Всеслава Евгеньевича Гофмана (20-лѣтіе сценической дѣятельности); пойдетъ Уріэль Акоста. В. Е. Гофманъ началъ артистическую карьеру в Москвѣ в театрѣ Абрамовой при Соловцовѣ, Киселевскомъ, Рошинѣ-Исаровѣ и др. Затѣмъ служилъ в Москвѣ же в театрѣ Горева. В провинціи Гофманъ служилъ в Киевѣ, Самарѣ, Баку, Уфѣ, Перми, Смоленскѣ и другихъ большихъ центрахъ, 4 послѣднихъ зимнихъ сезона постоянно играетъ в труппѣ М. А. Мелитинской в Сергіевскомъ Пар. Домѣ.

— Выставка союза русскихъ художниковъ имѣетъ в нынѣшнемъ году гораздо большій успѣхъ, чѣмъ в прошломъ. Уже продано на 22 тысячи рублей картинъ и число посети-

телей превысило на 2000 человек количество прошлых годов. Выставка закрывается второго февраля.

— Напечатанные во 2 и 3 номерах „Рампа и Жизнь“ пародия А. М. Пазухина „Рецензенты“ уже идет в Харькове на сцене театра „Голубой глаз“.

Э. Э. Матеряк перевел интересную трехактную пьесу идущую весь этот сезон с большим успехом за границей. Пьеса, озаглавленная переводчиком „Главная роль“, рисует закулисную жизнь и очень сценична. В ней всего две большие женские роли — обе драматические актрисы и три мужских, поэтому она чрезвычайно удачна для небольших трупп. „Главная роль“ припала в Малый театр в Петербурге, где и пойдет в начале февраля. Надеемся, она идет в Харькове в театре А. Н. Соколовского.

В бенефис И. Р. Петцера, в Соколовском рабочем доме идет „Книжка“ — А. Дюма, с бенефициантом в главной роли, прочие исполнители как главные выступают: г-жи Шильевская (Ания Демби), Крамер (Елена) и г. Климов (лорд Мевиль). Володиз (Соломон) и Кутре (Писголь). В пьесе участвует вся труппа. Сделаны новые декорации.

В. Н. Ильарская.

(На спектаклях в Саратове.)

Скандал в театральном бюро. На днях в помещении театрального бюро произошла возмутительная сцена: артист Додина-Михайлов нанес оскорбление действию предпринимателя г. Миллера-Полякова.

Подкладка дала такую. Во второй половине ноября г. Миллер-Поляков снял театр в г. Бобруйске и пригласил г. Додина-Михайлова, дав ему 20 руб. задатка. В обеспечение аккуртной явки г. Миллер-Поляков взял паспорт г. Додина-Михайлова и, когда последний в срок не явился и просил Миллера-Полякова вернуть ему паспорт, последний этого не сдвывая, оставил его у себя. Через два месяца предприниматель прекратил свое существование, и вот, вчера возвратившись в Москву г. Миллер-Поляков явился в бюро, где произошла между ними и Додиным. дикая сцена.

Дождавшись, когда после закрытия бюро г. Миллер-Поляков вышел из бюро, г. Додина-Михайлов снова потребовал от него паспорт и, когда Миллер отказался, обратился к помощи полиции. В третьем участке тверской части стороны пришли к примирению и отправились на квартиру Миллера-Полякова, где последний обещал вернуть Додину его документ.

Дехъ Чехова.

В воскресенье, 17-го января, Москва тепло и трогательно отплатила 50-ю годовщину рождения А. П. Чехова.

Утром на кладбище Ново-Девичьяго монастыря, где похоронен Чехов, по инициативе его семьи отслужена была заупокойная литургия, а затем у самой могилы панихида, за которой присутствовали вдова Чехова — О. Л. Книппер, его

сестра — М. П. Чехова, его брат — И. П., артист Малаго театра К. В. Бравич и директор Художественного театра В. М. Немирович-Данченко с супругой. Г. Бравич возложил венок от союза драматических писателей, а г. Немирович-Данченко — венок от Художественного театра с надписью: „от его театра“.

Вслед за панихидой, отслуженной по инициативе семьи, у могилы была отслужена панихида по инициативе студенческого кружка в память Чехова. Тут собралось около 150 человек учащейся молодежи всех высших учебных заведений, присутствовали также и И. П. Чехов. Из представителей литературы были только беллетристы Борис Зайцев.

В полдень в церкви Космы и Даміана, в приход которой находился Художественный театр, отслужена была панихида по инициативе театра.

В театре состоялось торжественное Чеховское утро, которое собрало всю интеллигентную Москву. На этом „утре“ между прочим присутствовали только что прибывшие из Петербурга директор Императорских театров В. А. Теликовский и писатель Л. Н. Андреев, все московская литературная семья во главе с П. А. Боборыкиным, много представителей музыкального и художественного мира. Зрительный зал был переполнен. Сцена была обставлена как в день юбилея Художественного театра; она была задрапирована сирым сукном с чайкой, а впереди зелени были разставлены кресла, которые и заняли артисты Художественного театра. Над одной из лож бенеуара помещен был прекрасный портрет Чехова, украшенный золотым венком, а барьер лож, в которой сидела семья Чехова, был украшен цветами.

Утро открылось вступительным словом В. И. Немировича-Данченко, который прежде всего предложил почтить память Чехова вставанием. Все в торжественном молчании подвигались с своих мест.

В. И. Немирович-Данченко произнес краткую речь о значении Чехова в жизни Художественного театра как в прошлом, так и в настоящем; вторая часть речи Немировича-Данченко была посвящена характеристике Чехова вообще.

Г-жа Книппер, г. Качалов, Станиславский, Москвин и Леонидов в своих платьях без грима читали или, вѣрѣе, играли (так как они книжки не имѣли и читали на память) первый акт из „Иванова“. Зрительный зал награждал их шумными рукоплесканиями.

Во втором отделении почетный академик А. И. Бунин прочитал личный воспоминания о Чехове. Он поздравил аудиторию с напечатанными уже в „Знамя“ воспоминаниями, при чем он их облек в более сжатую форму, исключив все лишнее. Своему реферату И. А. Бунин предпослал небольшое заявление, что он с особым удовольствием читает о Чехове в этом театре, который столько сдѣлал, чтобы дать русскому обществу ясное понимание Чехова. Свои интересные воспоминания И. А. Бунин прочитал очень взыскательным голосом, и так как большинство аудитории они были очевидно мало знакомы, они чрезвычайно заинтересовали публику, и он имѣл заслуженный и шумный успех.

Г-жа Книппер, Лиля, Раевская, Самарова, гг. Вишневский, Станиславский, Лужский, Артемь прочитали третій акт из „Дяди Вани“.

В заключение были исполнены в гримах и костюмах, но без обстановки (на сукнах) две чеховские миниатюры „Хирургия“ и „Утѣрь Пришибеца“. Здѣсь огромный успех имѣли гг. Москвин, Грибушин и Лужский.

Вечером в Художественном театре играли чеховский „Вишневый сад“; в представлении присутствовала мать А. П., а в городском Введенском народном доме — „Иванова“; последнему предшествовал реферат о Чехове, прочитанный В. Е. Ермиловым.

Студенческое общество имени Чехова чествовало его память торжественным заседанием.

VIII симфоническое собрание И. Р. М. О. В программе — седьмая симфония А. К. Глазунова, посвященная Бѣльеву. Сочинение это поражает и привлекает непринужденной легкостью творчества при большой сложности письма. Прелесть своей беззаботной игрой звуков скерцо, обѣянное, как впрочем и вся симфония духом Римскаго-Корсакова.

Наиболее психологически значительно прекрасное Andante, в котором чудится что-то наступающее, вздымающееся и, не достигнув вершины, бесилно падающее, инкнущее... какая-то глубокая трагедия безысходности, недостижимых стремлений... Э. Куперъ провел симфонию хорошо, но упрек ему можно пожалуй поставить желание придать музыке Глазунова больше жару, горячности, чѣм сколько в ней имѣется.

Очень тонко провел он вступленіе къ музык. драмѣ „Фервааль“. Венсанъ d'Инди и живописно и отчетливо скерцо „Ученикъ волшебника“ Поли Дюка, имѣвшие большой успех.

Нам приятно отметить симпатии московской публики к французским композиторам.

Солистом был Эженъ Изан, по общему признанию лучший из современных скрипачей. Он сыграл два концерта: Вивальди, в котором красиво Adagio, и Брамса, который даже в таком божественном исполнении нам представляется достаточно блѣднымъ.

Изанине говорить о колоссальном успѣхѣ артиста.

Концертъ Э. Изан. Вь программѣ 3 сонаты съ фортепьяно: D-dur Моцарта, d-moll Брамса и A-dur Цезаря Франка.

За ф.-п. проф. Гольденнейзеръ, способности которого быстро, какъ говорить, съ одной репетиціи освоиться съ парт-перомъ—и какимъ!—приходится дивиться.

Моцарта Изан исполняетъ съ легкой модернизацией, Брамсъ намъ вообще мало симпатиченъ, но прекрасная, посвященная Изану соната Цезаря Франка одно изъ лучшихъ сочиненій этого большого, но въ Россіи почти совершенно неизвѣстнаго композитора, была сыграна великолепно.

Еще поразительнѣе былъ король скрипачей въ сольных номерахъ. Полонезъ Венянского Rondo, Capriccioso Сень-Санса съ такимъ мощнымъ захватомъ никто другой не сыграетъ!

Въ Rondo Изан весьма красиво и характерно передаетъ его еврейскій колоритъ.

Любопытно, что даже такой большой художникъ не можетъ обойтись въ своихъ бисахъ безъ ничтожныхъ по музыкѣ, но скрипично-эффективныхъ пустяковъ, какъ салонная пьеса Бетгана, мазурка Жаржиккаго...

Большой залъ консерваторіи былъ полонъ, и публика недовоествовала, какъ на Шалипинскихъ концертахъ.

VII историческій концертъ И. Р. М. О. Историческіе концерты уже отошли отъ прошлаго музыки и подошли къ ея животрепещущему настоящему, давъ въ послѣдней программѣ Гринга, Сень-Санса, Массне и даже Рихарда Штрауса и Дебюсси.

Выдающийся интересъ представилъ „Донъ Кихотъ“ Рих. Штрауса, сочиненіе необычайно яркое, живописное, заключающее страницы большой красоты, напримѣръ 3-ья вариация, рисующая мечты Донъ Кихота о Дульцинесъ на струйчатомъ фонѣ теплої южной ночи, или финалъ—просвѣтленный конецъ жизни благороднаго мечтателя. Чрезвычайно удалась автору комическая сторона похождения рыцаря печального обрѣза: нѣкоторые эпизоды, какъ напр. глуповатый, все время урезонивающій своего увлекающагося господина Санчо-Панса, сраженіе со стадомъ овецъ, плетущіеся по дорогѣ мирно разговаривая, допы—невольно заставляютъ разсмѣяться. Меньше удался эскалтированный, но возвышенный образъ самого Донъ Кихота.

Нельзя не сказать, что, преслѣдуя цѣли пизобразительности, Рих. Штраусъ не стѣсняется перейти гранцы музыки (въ сценѣ сумасшествія, сраженія съ овцами, мнимаго путешествія по воздуху). Представляющій большія трудности „Донъ Кихотъ“ былъ очень хорошо сыгранъ С. Н. Василенко, похвалы заслуживаютъ и гг. Бакалейниковъ и Эпсерманъ, сыгравшіе Solo альта и виолончели. „Донъ Кихотъ“ имѣлъ большой успѣхъ у публики.

Очень пріятное впечатлѣніе произвелъ изящный „Шотландскій маршъ“ Кл. Дебюсси. Солпстами были талантливая А. І. Добровольская, пѣвшая французскихъ авторовъ, и скрипачка Лей Любошицъ, блеснувшая своими стальными флажолетомъ и изящной фразировкой.

2-й камерный вечеръ муз. школы В. А. Селиванова.—2-й камерный вечеръ школы В. А. Селиванова при участіи Московскаго квартета А. Я. Могилевскаго привлекъ очень много публики, горячо аплодировавшей исполнителямъ.

Въ программѣ всѣ три квартета Шумана, исполненныхъ прекрасно. Отмѣчаемъ, что теперь альтъ и 2-ая скрипка давали больше тона, и общаа звучность ансамбля не оставила желать лучшаго.

Въ музыкальномъ мірѣ. „Кавказскіе эскизы“ М. М. Ипполитова-Иванова недавно съ большимъ успѣхомъ были исполнены въ симфоническомъ концертѣ въ Цинцинати (Соед. Штаты).

Оркестръ Марининской оперы въ Петербургѣ пригласилъ дирижировать своимъ бенефиснымъ симфоническимъ концертомъ 30 января С. Н. Василенку.

Онъ же приглашенъ дирижировать симфоническимъ концертомъ въ Кіевѣ на этой недѣлѣ.

Оркестръ историческихъ концертовъ И. Р. М. О. подъ упр. С. Н. Василенко въ мая и юнѣ с. г. совершитъ турнѣ по городамъ Поволжья и юга Россіи.

Н. Басъ.

Малый театр. „Волотные огни“ Н. П. Гиндича не принесли автору и театру особеннаго триумфа.

Причина этого заключается въ двойственности пьесы. Пока авторъ остается въ предѣлахъ легкой сатиры,

общественнаго шаржа, бойкой злободневности — пьеса смотрится такъ легко, такъ пріятно.

Г. Гиндичъ великолѣпный техникъ, большой мастеръ по части діалога.

У него такой мягкій юморъ, такое умѣнье во-время вставить крылатое слово, изящное мот, онъ такъ занимательно рассказываетъ о прекрасно наблюденной жизни.

Въ первомъ актѣ онъ выводитъ клубъ, засѣданіе художественнаго общества.

Тутъ проходитъ цѣлая галлерея типовъ—декадентъ-поэтъ, трактованный по старинкѣ, декадентъ-режиссеръ, декадентка-актриса, художникъ, дѣлецъ-издатель, престарѣлая годами, но пылая сердцемъ писательница.

Все это зарисовано выуклымъ штрихомъ, очень типично и събитно.

А. Н. Скрыбинъ.

Шаржъ Д. Мельникова.

Великолѣпны второй актъ. Чванная генеральша, присосавшаяся къ благотворительности, ея дочери — актриса, рвущаяся на содержаніе, и писательница, живущая съ господиномъ, служащимъ въ учрежденіи, которое „все про всѣхъ знаетъ“ и объ имени котораго предусмотрительно умалчиваютъ.

Что въ имени тебѣ моемъ!

Очень удалась и фигура третьей сестры, милой, славной дѣвочки—распускающагося полевого цвѣточка.

И второй актъ смотрится съ наслажденіемъ—очень тонкая компоновка, какъ у французскихъ мастеровъ комедіи.

Но въ третьемъ и четвертомъ начинается драма, и интересъ сразу падаетъ.

Драма не область Гиндича, преимущественно сатирика.

Тутъ у него сразу почва уходитъ изъ-подъ ногъ, появляется шаблонъ, избитыя фразы.

Психологія примитивна, переживанія самыя легкомысленныя.

Еще въ страданіяхъ молодой души, задыхающейся въ царствѣ лжи, есть хорошіе моменты.

Но романы актрисы съ миллионеромъ и съ докторомъ расплывчаты и неясны.

Последний акт съ двумя парочками советъмъ пзъ пьесы Крылова.

Такъ и дѣлится пьеса.

2 первыхъ акта великолѣпны, 2 послѣднихъ скучны и пенужны.

Играютъ пьесу очень хорошо.

Превосходный общій тонъ легкой комедіи — тутъ заслуга режиссера С. В. Айдарова.

Очень мила г-жа Салтинъ, которая дѣвочку Катю играетъ проще, поэтичнѣй и нѣжнѣй, чѣмъ г-жа Щепкина.

У послѣдней слишкомъ много напряженія, слишкомъ много игры на нервахъ.

Опера С. И. Зимина.

Дирижеръ г. Пазовскій.

Шаржъ О.

Зрителю передается, какъ трудно играть артисткѣ. Очень хороша г-жа Смирнова — яркій, большой образъ. Г-жа Яблочкина тяжела для актрисы, но съ честью выходитъ изъ положенія.

Очень типична г-жа Никитина.

Г-жа Комаровская красива и стильна.

Играющая въ очередь г-жа Вишневская „дѣлаетъ“ роли подлѣ Яворскую, но очень уже отдастъ отъ ея игры „Царемъ природы“.

Великолѣпнѣе г. Кипмовъ — выпуклая, сочная фигура.

Г. Лепковскій мягче и тоньше г. Рыжова.

Очень хороши г-жи Грибунина, Юдина и г.г. Лебедевъ, Грешинъ, Худолосевъ, Гетеринъ, Музиль, Красовскій.

Очень живыя группы въ 1 актѣ.

Изъ-за первыхъ актовъ и исполненія стоитъ посмотреть „Болотные огни“.

Ян. Львовъ.

Театръ Корша. — Несомнѣнно, среди обычнаго коршевскаго репертуара, среди всѣхъ этихъ „и-ше Давидъ“ и стрипти г-жи Шмидтъ пьеса Смолдовскаго „На станціи Забытой“ ярко выдѣляется.

Это въ общемъ весьма недурная вещь, искренняя и пережитая.

Но, должно быть, это совсѣмъ первый опытъ автора.

Техническаго угловатостъ даетъ себѣ чувствовать на каждомъ шагѣ.

Краски сгущены невѣроятно.

И почему это такъ вышло, вполне понятно.

Такъ всегда получается, когда тема слишкомъ пережита авторомъ, слишкомъ съ нимъ срослась.

Человѣкъ близко видѣлъ, а можетъ быть, и самъ жилъ жизнью станціи Забытой, ужасной, униженной, скотской жизнью, гдѣ въ чаду илліаго угара, крошечнаго разгула, животнаго разврата выветъ жизнь, проходить молодость, гдѣ люди дерутся, зубани въ горло другъ другу вицѣляютъ и воютъ какъ животныя.

Авторъ хотѣлъ бросить въ лицо зрителю весь этотъ кошмаръ — полюбуясь, какъ тебѣ подобныя живутъ.

Хотѣлъ хлестнуть да побольше.

И, дѣйствительно, хлестнулъ — дальше ужъ некуда.

Впечатлѣніе такое, что вы пришли въ театръ и вистъ безустали колотить по затылку прямо до безчувствія!

И впечатлѣніе, конечно, слабѣетъ.

Когда разъ пьютъ водку, душатъ другъ друга, бьютъ — это кошмарно, жутко; но когда во всѣхъ дѣйствіяхъ этимъ занимаются всѣ дѣйствующія лица и бьютъ о головы другъ

друга до дюжины однихъ стакановъ, то уже только противно, а жуть притупляется.

Послѣдняя же сцена, когда несчастный, копынный чедо вѣкъ бьетъ трупъ повѣсившейся жены, — прямо омерзительна.

И все-таки это пьеса.

Въ ней есть живые, страдающіе люди, есть настроеніе.

Когда авторъ овладѣетъ техникой, онъ будетъ безспорно интересенъ.

У него уже и сейчасъ отличныя, яркія роли.

Играютъ пьесу недурно.

Г-жа Жихарева нервно, жутко, съ подъемомъ играетъ главную роль.

У нея хорошо схвачено настроеніе, есть острые моменты.

Г. Чаринъ сильно и мягко играетъ помощника начальника станціи.

И многое смягчаетъ, что очень ужъ грубо у автора.

Г-жа Буткова очень мила и трогательна, какъ всегда.

Г-жа Аренцвари допустима въ роли станціонной Мес-салины.

Г. Смурскій ходульно играетъ помѣщика.

Но есть хорошіе моменты и у него.

Г. Хлѣбниковъ очень типиченъ.

Поставлена пьеса съ покушеніемъ на художественность: но — увѣ! — это покушеніе съ негодными средствами.

Льв.

Лучше слезы, чѣмъ смѣхъ.

Въ Сумбатовской пьесѣ „Переводъ“ есть одна фигура.

Смотритель пріюта.

Но помню его имени, но ярко помню его незабываемое лицо въ тотъ моментъ, когда онъ стоитъ передъ избалованнымъ его генераломъ-ревизоромъ.

Мучительное страданіе судорожно искривило его губы и собрало морщинки у глазъ.

Генералъ приходитъ въ изступленіе и кричитъ:

— Вы опять смѣетесь? Какъ вы смѣете смѣяться!

Несчастный, раздавленный человѣкъ хочетъ что-то сказать въ свое оправданіе, но языкъ не слушается, а лицо отъ напряженія все морщится, морщится и дѣлается еще болѣе смѣющимся.

Вотъ это-то „смѣющееся“ лицо живо встало предо мною, когда я, прельщенный чудеснымъ девизомъ сабуровскаго театра, — „Лучше смѣхъ, чѣмъ слезы“, — попалъ на представленіе двухъ пьесъ: „Нуль“, въ переводѣ С. О. Сабурова, и „Малютка-Свинья“, въ переводѣ опять того же непостижимаго плодовитаго переводчика С. О. Сабурова.

Въ „Нулѣ“ должно смѣшить публику то, что по теоріи „доктора“ Жонкиля, каждая женщина *противитана* своимъ первымъ мужемъ и отъ того дѣти, которыхъ она родитъ во второмъ бракѣ, наследуютъ особенности перваго ея мужа.

А такъ какъ герцогъ де Кастель-Бульонскій не хочетъ, чтобы его племянникъ Люсьенъ женился на разведенной женѣ какого-то неизвѣстнаго Пуассона, то, чтобы угодотворить Кастель-Бульонскаго, надо доказать ему, что Пуассонъ *былъ безсильнъ оставаясь слѣды*.

Т.-е. быть, „какъ мужчина, абсолютный нуль“.

Надъ этими исключительно глупыми, грязными и гоморическими скучнымъ доказательствами безсилья Пуассона хлопотеть театръ цѣлыхъ три акта.

Декораціи убоги. Актёры лѣнливо, пошло и бездарно кривляются.

Когда послѣ каждаго акта надъ сценой опускается листъ объявленій, замѣняющій собою занавѣсъ, по зрительному залу проносится вздохъ облегченія.

Въ антрактахъ публики крикаетъ, чертыхается. Знакомые поглядываютъ другъ на друга смущенно. Слышу фразы:

— И чортъ меня толкнулъ сюда...

— Ну и гадость же...

Но никто не уходитъ. Всѣ остаются до конца.

Помню, какъ-то разъ въ провинціи на скучнѣйшемъ представленіи какой-то бездарной пьесы одинъ знакомый, увидя, что я ухожу, надохнулъ грустно и сказалъ:

— Счастливый вы человѣкъ!

— Чѣмъ?

— Да вотъ, вы не платили за входъ и можете, когда угодно, уйти. А я заплатилъ — долженъ до конца досидѣть. *Не выбрасывать же мнѣ денегъ за такую мерзость всѣмъ даромъ.*

Вѣроятно, эта же причина удерживаетъ и Сабуровскую публику.

За „Нулемъ“ слѣдуетъ „Малютка-Свинья“.

Нѣкій либреттистъ такъ излагаетъ сущность Свиньи:

„Тетка, принимая карлика Геркулеса (это имя карлика тоже должно смѣшнѣть) за ребенка, беретъ его въ свою

спальню; благодаря этому создается масса забавных и инкавтных *qui pro quo*“.

Но на самом деле это не так.

Либретист тут „невозможен услужил“.

Не эпизодическая спальня тетки — центр забавности, а то, что изображающий подставного ребенка держит себя за столом как спящего и вместе с ним свинствуют окружающие, свинствуют для того, чтобы свинством этим скрыть от тетки тайну.

Вот что именно и предлагается как забавное *qui pro quo*!

Но театр вероятно предположил, что актеры, напоминающие своим нормальным человеческим ростом „взрослого Божьего творения“, — человек, не дадут свинства в полной забавляющей мере.

Поэтому, для исполнения роли Мамушки-Свинки приглашен был настоящий карлик „грошка Фишер“.

Театр не ошибся.

Грохотный немец, еле выговаривающий русские слова, действительно влез так много свинства, что даже неискусное свинство его нормально выросших партнеров сгладилось и приняло свой естественный вид.

Как же подобает настоящему, благословенному лебедю Юршира, свинству.

Маленький немец говорил пакости, бил тарелки, махал горящей лица своих партнеров, хрюкал, рычал.

Хрюкали, рычали, говорили скучные пакости и пакостили его партнеры.

И до того опередонились, что перепредонили самого Передонова.

Вот в это-то время и вглядывался в лица публики и лица мои казались поразительно похожими на лицо сумбатовского зрителя прюта, когда он стоял перед генералом.

Сидящая рядом со мной дама нагнулась к своему соседу и, шепнув показав на меня глазами, громко сказала ему:

— Какой-то вахаль, смотреть прямо в лицо и смеется.

Я хотел на весь театр крикнуть даме, что она говорит неправду. Но мой голос не повиновался мне.

Я хотел подняться и уйти, но ноги не шевелились, будто увязли в топком болоте...

И только когда уже почти все разошлись, и очнулся в оставшемся театре, девчонка которого —

„Лучше смех, чем слезы“.

Пел по освещающей морозным воздухом улицей и думал:

— Я люблю смех. Я горжусь тем, что природа наградила меня смехом — этим божественным даром, этим внутренним солнцем человека.

Но я готов всю жизнь заливать самым горьким слезами, только чтобы в раз больше не засмеяться так, как я смеялся в театре Сабурова.

И. М.-ч.

Вънокъ отъ Петербурга на могилу Чехова.

(Отъ собственного корреспондента.)

Застебывая афиши о концертах, лекциях и спектаклях въ память 50-лѣтней годовщины дня рожденія Чехова, съ которыхъ крупными буквами привѣтливо, будто съ кроткою ласковою улыбкою, смотрѣла фамилія Анто́на Павла, — радовали сердца. Мысль, что предстоящіе Чеховскіе вечера соберутъ воедино, какъ пріятные оазисы, всѣхъ, кому дорога память писателя, для чьей души роднымъ, близкимъ дышетъ его имя, — эта мысль будировала сердце и утѣшала сознание возможностью вообщу убѣдиться, что „нерукотворный памятникъ“ дорогому Ант. Павла создан на прочномъ фундаментѣ талантомъ писателя, гениемъ Чеховской музы.

Чеховъ — нѣжный цвѣтокъ нашего суроваго края, увядшій, не успѣвши расцвѣсть окончательно.

И не потому, что почва камениста, песчана, неплодородна, болотиста. Но скудость удобренія, отсутствіе оросительнаго элемента, ретивость досужихъ „косарей“, не желающихъ и не умѣющихъ порою отличать цѣннаго цвѣтка отъ... крапивы, — часто ведутъ къ преждевременной гибели нѣжное, дорогое, хрупкое растение, какъ безцѣльный выстрѣлъ глупаго юнца иногда подстрѣливаетъ чайку вѣдная птица, истекая кровью, тихо и безропотно находитъ свою раннюю кончину.

О Чеховѣ писали много, очень много, хотя... до сихъ поръ нѣтъ ни одного обстоятельнаго, серьезнаго разбора его гения,

нѣтъ систематически собранныхъ отдѣльныхъ статей и сужденій.

Въ только что минувшіе Чеховскіе дни Петербургъ ввелъ новыя гирлянды въ вънокъ на могилу Анто́на Павла. Скромной лиліей пріютилась въ вѣвѣ лекція о Чеховѣ К. Н. Арабакина, въ которой лекторъ подробно разобралъ драмы Ант. Павла. По его словамъ, Чеховъ „написалъ только одну пьесу, но пьесу большую, сильную, которую можно назвать: жизнь“, или еще точнѣе, „скучная исторія русской жизни“. Несмотря на сумеречный колоритъ, которымъ подернута эта пьеса, составленная пѣз суммы всѣхъ произведеній Чехова, въ ней ясно видно постоянное стремленіе Чехова къ солнцу и вѣра въ то, что солнце это взойдетъ...

Алой розой блеснулъ Чеховскій вечеръ, устроенный Литературн. фондомъ. Содержательную рѣчь произнесъ проф. Адриановъ, отмѣтившій „удивительную художественную твердость Чехова“. Ант. Павла „твердо, безъ малѣйшей лжи“, сентиментальности рисовалъ ужасъ жизни, которую переживалъ, вѣра въ лучшее будущее. Сердечное стихотвореніе посвятилъ памяти писателя А. А. Луккиновъ; прекрасно читали сцену изъ „Иванова“ Савина, Ходотовъ и Петровскій; продуманно, съ пасторскимъ разыгранъ часть II и IV д. „Чайки“ Ведрякскій, Мейерхольдъ и Всеволодскій. Талантливо читалъ Самойловъ и хорошо рассказывалъ сценки Чехова — В. В. Чеховъ.

Гирлянды изъ хризантемъ ввели въ вънокъ Малый театръ („Вишневый садъ“), новый драматическій („Три сестры“), Екатерининскій („Дядя Ваня“) и особенно дорогіе, красивые, нѣжные цвѣты положилъ Александринскій театръ, академическіе прекрасно и художественно поставивъ „Вишн. садъ“, въ которомъ удивительно ярко, вѣрно, по Чеховски естественно игралъ въ этотъ вечеръ (17 янв.) Мичурин (Раневскій), Ведрякскій (Аня), Шувалова (Варя), Далматовъ (Гаевъ), Ходотовъ (Петя) Варламовъ (Пичиговъ), Петровскій (Епиходовъ), Шаповаленко (Фирсъ) и особенно вышуклую, жизненную фигуру Лопухина создалъ Ст. Яковлевъ.

Мелкими, но красивыми незабудками и гвоздичками вписались собранія Литературн. обществъ, на одномъ пѣз конхъ О. А. Шаширъ констатировала „почти полное отсутствіе энергичныхъ женскихъ натуръ въ произведеніяхъ Чехова“, а Іолинина, Мворская, Чириковъ и Барятинскій съ успѣхомъ читали рассказы писателя.

Нѣсколько азалий далъ новый театръ (Мойка, 61), гдѣ вечеръ въ память Чехова прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

И хотя минувшіе дни внесли мало сравнительно новаго въ разборъ Чеховскаго гения, — все же они отрадны, какъ явленіе „нерукотворнаго памятника“ писателя, т. к. вообщу показали, что образъ Чехова жилъ среди нашей интеллигенціи. Чеховъ попрежнему, если не больше, намъ милъ, близокъ, дорогъ.

Въ немъ — бездна задумчивости, много затаенныхъ, слегка намѣченныхъ мыслей и чувствъ, которыя не выплыли наружу, а тамъ внутри полируютъ и бурлятъ, изрѣдка, порывами давая опутительно и замѣтно чувствоватъ себя. Такъ, порой заноситъ сердце, и не скоро, не сразу отгадаешь, что за причина вызвала измѣненіе. Грѣшь ли по несбывшимся мечтамъ,

Театръ „Эрмитажъ“. „На полюсъ“.

Адвокатесса — г-жа Руджіери.

Шарль О.

Театръ „Эрмитажъ“. „На полюсь“.

Петербургъ.

Пуришкевичъ — г. Токарскій.

Шаржъ О.

тягость ли недостигаемости грезы или просто „мирное и безмятежное житіе“ при полной скудости отрады и надеждъ трепетъ отзывается въ нашемъ сердцѣ, какъ петлядверь скрипнѣть при отсутствіи масла.

И эта задумчивость ласкаетъ, манитъ, привлекаетъ. Правда, мы до сихъ поръ въ долгу у Чехова. Мы не похлотаемъ о достойномъ его гениі памятникѣ, но... въ этомъ отношеніи Ант. Павл. раздѣлили участь Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Григоровича, etc...

Гдѣ достойные этихъ писателей мавзолеи?..

И слава Богу, что на нашихъ глазахъ растетъ пышный цвѣткомъ „нерукотворный памятникъ“ писателю. Ибо приятно, важно сознавать, что любовь къ Чехову къ „милому“ Чехову собрала въ группы людей и каждая группа жила одной мечтой о писателѣ, къ стыду современнаго ему вѣка, завидшемъ въ безвременнѣйшемъ. И далекіи образы дорогаго Ант. Павл., являясь сознаваемымъ каждымъ, властно впитались надъ головами съ загадочной улыбкой на губахъ, скрывающей тоску божественно-нѣжной, чуткой и склонной ко всякому благому порыву артистически-художественной души. А горѣвшіе огнемъ взгляды молодежи и порывъ въ рѣчахъ и разговорахъ яснѣе словъ говорили, что

Образъ свѣтлый, образъ милый
Не могли смести года...
Надъ безвременной могилой
Свѣтитъ вѣчная звѣзда!..

И хочется сказать Чехову словами стих. А. Лукьянова:

Что года и смерти ложе?
Жизнь твоя горитъ звѣздами!
И все ближе, все дороже
Намъ прекрасный образъ твой.

Вас. Базилевскій.

На будущей недѣлѣ въ Маринскомъ театрѣ единственной новинкой будетъ „Свѣгурочка“, Н. А. Римскаго-Корсакова.

Въ половинѣ февраля разсчитываютъ поставить „Орфея и Эвридику“ въ новой постановкѣ художника А. Я. Головина и новыхъ группахъ—М. М. Фокина.

— П. П. Гнѣдичъ самъ сдѣлать эскизы декорацій для своей пьесы „Перехъ зарей“.

Онъ же далъ всѣ главныя указанія Н. А. Корневу относительно постановки, и теперь вся работа перешла къ г. Корневу.

Главныя роли исполняютъ: г-жа Савина, Потоцкая, Каратыгина, Рачковская; гг. Дзлатовъ, Давыдовъ, Юрьевъ, Петровскій и Петровъ.

— Въ Маринскомъ театрѣ произошелъ конфликтъ между артистами и хоромъ.

Во время общей репетиціи одна изъ артистокъ, сидя на авансценѣ и разговаривая съ товарищемъ, громко засѣлась.

Стоявшіи невдалекѣ хористки приняли этотъ смѣхъ на свой счетъ, и одна изъ нихъ, подоидя къ смѣявшимся, стала ругать ихъ.

Артистка попробовала защищаться, но явился г. Палечекъ и, въ качествѣ учителя сцены, взявъ сторону хора, предложивъ всѣмъ артистамъ немедленно уйти съ авансцены.

Артисты должны были подчиниться, но обратились съ жалобой къ І. В. Тартакову, проси его оградить ихъ отъ постоянныхъ оскорбленій со стороны хора.

Недостаетъ, чтобы за кулисами разыгралась сцена вродѣ перваго дѣйствія „Карменъ“, и артисты вступили съ хоромъ въ рукопашную...

— Театральное общество устраиваетъ въ непродолжительномъ времени интересный спектакль въ Маринскомъ театрѣ.

Пойдетъ „Веселая вдова“, съ участіемъ въ роли Ганны Главарі, оперной примадовны г-жи Кузнецовой.

Валентину играетъ г-жа Гвоздецкая, графа Данилу—А. М. Давыдовъ, посланника барона Мирко Чета—А. П. Петровскій, Россильона—г. Большаковъ и др.

Въ остальныхъ роляхъ выступятъ молодыя силы Александринскаго театра.

Малый театръ (Отъ собствен. корреспонд.) Молодой авторъ К. Безпятавъ написалъ красивую, вѣскольکو многословную трагедію въ 4 д. „Вольные каменщики“, а П. Арбатовъ, призвавъ на помощь остроугольныя комнаты и боковыя перспективы, видимо, не безъ удовольствія инсценировалъ „событіе большой исторической важности“—исторію первой масонской ложи на Руси. Эпоха масонства—явленіе безусловно интересное.

Распушенность нравовъ, отсутствіе высшихъ стремленій, низкопоклонство дворянства и ужасы крѣпостного права—вызвали естественную реакцію среди лучшихъ мыслящихъ людей того времени, и на почвѣ этой реакціи возросло и окрѣпло частію масонское движеніе, частію христіанскій мистицизмъ, корни котораго занесены были изъ Германіи. Слабые проблески масонства уже видѣлись и въ Петровское время, но пышный расцвѣтъ въ видѣ строго организованнаго института, оно дало въ эпоху Елизаветы Петровны, вачисывая среди своихъ членовъ и Сумарокова и историка Болтина, и Ив. Шувалова (основат. Москов. Унив.) и гр. Воронцова.

Пьеса не лишена интереса. Адъютантъ графа Разумовскаго—Масальскій, желая (по словамъ автора) стать членомъ тайной ложи, но предложенію „главнаго мастера“ рѣшается пройти извѣстный искусъ и чтобы зарекомендовать себя, принимаетъ порученіе проникнуть къ императрицѣ и разсказать ей истину о масонахъ. Но... графъ Губастовъ, директоръ тайной канцеляріи, желая погубить масонство въ Россіи, цытается развѣдать тайны масоновъ отъ одного изъ членовъ ложи—Селиванова, о романѣ жены котораго съ Масальскимъ Губастовъ прекрасно осведомленъ. И, играя на струнѣ оскорбленнаго мужа, хитрый Губастовъ добивается согласія Селиванова выдавать рѣшенія ложи, обѣщая назвать имя любовника жены Селиванова. Случай помогаетъ Губастову. Когда на посвященіи въ члены ложи главный мастеръ предлагаетъ покаяться Масальскому въ присутствіи замаскированныхъ сочленовъ, послѣдній разсказываетъ свою связь съ женой Селиванова, п... обманутый мужъ, мсти сопернику, составляетъ донесъ вмѣстѣ съ Губастовымъ на Масальскаго, въ которомъ предупреждаетъ якобы покушеніе его на жизнь императрицы и гр. Разумовскаго. И когда приходитъ Масальскій во дворецъ, предупрежденная стража его арестуетъ. Подоспѣвшій Селивановъ убиваетъ соперника.

Авторъ отнесся серьезно къ своему труду, но въ нѣкоторыхъ сценахъ слишкомъ растянулъ діалоги, вслѣдствіе чего

акты, лишённые движений, оставляли впечатлѣніе тяжеловѣстности. Обрядовую часть въ III актѣ (посвященіе въ масоны) скопировали съ подлинныхъ масонскихъ ритуаловъ и только въ стихотвореніяхъ допущена вольность въ смыслѣ округленія, улучшенія ихъ вишней формы, болѣе удовлетворительной для воспріятія современнымъ зрителемъ.

Исполненіе ровное, стройное, хоровое. Много нервности, яркости внесла г. Троянова въ роли жены Селиванова; тепло, задушевно очертила г. Пашковская неисту Масальскаго—Марію, и полной похвалы заслуживаетъ, какъ всегда, г. Корчагина-Александровская (Мавра Егоровна). Хороши: Тарскій (Селивановъ), Губинскій (Губастовъ), Свѣтловъ (Разумовскій Кир.), Зубовъ (Шаховской) и яркій типъ узника далъ г. Александровскій.

Прекрасно поставленъ II актъ—балъ во дворцѣ кн. Разумовскаго (нынѣ Анничковъ) и эффектно, красочно, съ настроеніемъ проведена сцена посвященія въ масонство. Костюмы стильны, выдержаны.

Вас. Базилевскій.

Мелочи театральнѣй жизни.

Кіевскія газеты сообщаютъ, будто г. Дуванъ-Горцовъ для постановки пьесы Сем. Юшкевича „Комедія брака“, пригласилъ режиссера одесскаго театра Н. Н. Синельникова. Сообщеніе это производитъ странное впечатлѣніе. Зачѣмъ понадобился г. Дуванъ-Горцову режиссеръ изъ Одессы, когда у него самого нѣсколько режиссеровъ и въ томъ числѣ такой, какъ Н. А. Пономѣвъ.

— Въ замѣткахъ подчеркивалось по поводу юбилея московскаго мецената С. И. Мамонтова, что онъ умѣлъ угадывать людей...

Эту способность Мамонтова подтверждаетъ такой фактъ. Когда онъ держалъ въ Москвѣ свою знаменитую оперу, къ нему явился бѣдно одѣтый студентъ.

— Я обожаю театръ, но у меня нѣтъ средствъ его посѣщать,—сказалъ онъ меценату,—дайте мнѣ возможность имѣть это удовольствіе!

Меценатъ охотнымъ взглядомъ съ ногъ до головы осмотрѣлъ студента.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—И, подойдя къ кассѣ, отдалъ распоряженіе:—Запишите фамилію этого молодого человѣка и давайте ему всегда мѣсто.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и этотъ студентъ сдѣлался известнымъ режиссеромъ А. А. Саннимъ.

— Была „смерть мухамъ“, а теперь смерть режиссерамъ!

Въ Петербургѣ доставленъ въ одномъ экземплярѣ изъ Лондона новый театральнѣй аппаратъ. Эта машина воспроизводитъ 30 звукоподражаній, а именно: пѣніе птицъ, прибой волнъ, шумъ желѣзнодорожнаго поѣзда, стрѣльбу пачками, обыкновенную бурю, грозу, приближеніе автомобиля и пр. и пр. Режиссеры комбинировали и додумались, какъ создать, примѣрно, шумъ волны. Теперь это разрѣшено новой машиной. Остается изобрѣсти механическихъ актеровъ, и режиссеровъ можно будетъ упразднить.

Письма въ редакцію.

Милостивый Государь г. редакторъ!

Позвольте мнѣ воспользоваться страницами Вашего уважаемаго журнала для того, чтобы напомнить театральному міру и, вообще, всѣмъ читателямъ Вашего журнала съ отзывчивыми сердцами о тяжеломъ, безвыходномъ положеніи артиста Христофора Константиновича Лаврецкаго 1-го, прослужившаго на русской сценѣ 18 лѣтъ.

Во время пожара читальскаго театра съ 21-го на 22-е ноября 1908 г. г. Лаврецкій получилъ сильные ожоги рукъ и лица, а отъ нережитыхъ потрясеній у него произошло кровоизліяніе въ мозгъ, послѣдствіемъ чего была потеря рѣчи, памяти, способности писать и читать и двигательной способности рукъ и ногъ. Сначала онъ лечился отъ ожоговъ въ читинской больницѣ Краснаго Креста, а потомъ былъ помѣщенъ въ Одесскую санаторію для нервно-больныхъ, гдѣ онъ находится и по настоящее время.

Нѣкоторое улучшеніе въ здоровьѣ г. Лаврецкаго уже достигнуто, но рассчитывать на скорое возвращеніе его па сцену нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. А между тѣмъ всѣ ресурсы г. Лаврецкаго (пожертвованія, собраныя послѣ пожара, и спектакль въ его пользу въ Читѣ, а также и пособіе Театральнаго Общества въ теченіе 3 мѣсяцевъ, въ размѣрѣ 15 руб. въ мѣсяцъ) уже изсякли, и дальнѣйшая его судьба, безъ поддержки со стороны добрыхъ людей, рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

При отсутствіи у насъ организацій, страхованій, кассъ взаимопомощи и т. п. участь г. Лаврецкаго—это участь каждаго изъ насъ въ случаѣ подобнаго несчастія! Помни

Сергіевскій народный домъ.

В. Е. Гофманъ.

(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности).

эго, не будьте глухи къ моимъ строкамъ и, слѣдуя лучшимъ побужденіямъ вашего сердца, поддержите вашего падающаго товарища.

Адресъ: Одесса, Караваннинъ переулокъ, д. 9, Санаторіи Vita, артисту Х. К. Лаврецкому 1-му.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи.

А. Чаргонинъ.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Не имѣя возможности отвѣтить всѣмъ учрежденіямъ, городскимъ управленіямъ, обществамъ, частнымъ лицамъ и моимъ товарищамъ по сценѣ на ихъ привѣтствія въ день моего 20-лѣтія сценической дѣятельности, я черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала приношу мою сердечную и глубокую признательность всѣмъ почтившимъ меня своимъ вниманіемъ въ столь знаменательный для меня день. Считаю долгомъ прибавить, что этимъ сезономъ я кончаю антрепренерскую дѣятельность и потому только я не отвѣчаю на тѣ письма, гдѣ предлагаютъ мнѣ услуги съ предложеніемъ служить у меня будущій сезонъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи

Глѣбъ Ростовъ.

Парижскія письма.

Конецъ декабря и начало января—это самое горячее время для парижскихъ театровъ: съ одной стороны, огромныя наплывы въ провинціаловъ и иностранцевъ, пріѣзжающихъ провести праздники въ Парижѣ, значительно повышаютъ сборы: въ эти дни почти всѣ театры дѣлаютъ maximum.

Съ другой стороны, директора торопятся обновить свой репертуаръ, чтобы выдержать вторую половину января мѣсяца, когда сборы страшно падаютъ и доходятъ до minimum'a. Въ эту эпоху только очень интересная новинка можетъ еще собрать кое-какую публику. Вотъ почему за послѣдніе двѣ недѣли почти не проходило ни одного дня безъ генеральной ретенціи.

Нѣкоторые новые спектакли были чрезвычайно эфемерны в выдерживали едва нѣсколько представлений. Такова повая пьеса Жоржа Дювала „L'Article 301“, поставленная въ Пувотѣ и уже замѣненная другой новинкой „Noblesse oblige“, 3-актной комедіей Егекпа и Пьера Вебера, о которой мы скажемъ ниже. Изъ новыхъ пьесъ особенно большой успѣхъ имѣетъ, дѣйствительно замѣчательная, комедія Тристана Бернара „Un Drame inconnu“, да, вѣроятно, успѣхъ скандала будетъ имѣть пьеса Бурже „La Barrikade“. Изъ остальныхъ нѣкоторыя интересны по именамъ ихъ авторовъ, другія по затрогиваемымъ ими вопросамъ; о тѣхъ и другихъ мы ска-

Г-жа Симонъ въ роли цесарки въ новой пьесѣ Ростана „Шантеклеръ“.

жемъ въсколько словъ. Мы начнемъ съ поставленной въ театрѣ Gynpase пьесы Марселя Прево „Pierre et Thérèse“.

Здѣсь интересъ сосредоточивается прежде всего на имени автора. Марсель Прево является въ настоящее время самымъ крупнымъ и любимымъ французскимъ романистомъ. Но такъ какъ романы въ настоящее время во Франціи очень мало читаются и приносить не особенно много, то Марсель Прево, какъ и многіе другіе писатели, обратился къ театру, гдѣ заработокъ гораздо быстрее и гораздо значительнѣе. Но въ драматической области онъ далеко не имѣлъ того успѣха, какъ въ литературѣ. Правда, его первая пьеса „Les Demi-Vierges“ (Полудѣвственницы) выдержала около 200 представлений; но эту пьесу Прево написалъ не одинъ. Надъ ней очень много работалъ гениальный авторъ „Дамы съ Камеліями“, а только смерть помѣшала Александру Дюма закончить эту пьесу. Прево закончилъ ее одинъ; но все же въ ней виденъ „коготь“ великаго драматурга, идеями котораго до сихъ поръ питается французская драматургія. Остальные же пьесы Прево показали, что можно быть превосходнымъ романистомъ и очень слабымъ драматургомъ. Всѣ онѣ блестяще проваливались и не переходили скромной цифры 20—25 представлений. „Пьеръ и Тереза“ принадлежатъ къ той же категоріи пьесъ Прево, и въ театрѣ Gynpase уже успѣшно репетируютъ новую пьесу Баталля „La Vierge folle“.

И не буду передавать вамъ содержанія этой пьесы, такъ какъ въ № 38 (31) „Рампы“ она была уже подробно анализирована по пересказу изъ „Новаго Времени“. Въ Парижской театралъной газетѣ „Comœdia“ содержаніе этой пьесы резюмировано въ трехъ строкахъ слѣдующимъ образомъ: „Когда любишь кого-нибудь, то на всю жизнь. Вотъ почему Тереза прощаетъ Пьера, который до свадьбы совершилъ поджогъ“. Для доказательства этой простой мысли Марсель Прево написалъ четыре скучнѣйшихъ акта, которымъ мѣсто гораздо скорѣе въ театрѣ Амбигю, чѣмъ въ такомъ литературномъ театрѣ какъ Gynpase, и подъ которыми скорѣе подошла бы подпись Декурселя чѣмъ подписи самаго блестящаго современнаго романиста. Для вульгарной мелодрамы въ пьесѣ мѣются налицо всѣ элементы: добродѣтельная жена (Тереза); порочный мужъ (Пьеръ), злодѣй (Кретьенъ), комическій элементъ (Кудерфъ), таинственное преступленіе, дуэль со смертельнымъ исходомъ и наконецъ, по рецепту всѣхъ уважающихъ себя мелодрамъ порокъ наказанъ, и добродѣтель торжествуетъ. Но авторъ далеко не торжествовалъ, и отъ полнаго провала спасла его пьесу только гениальная игра такихъ артистовъ, какъ Юмения и г-жа Брандесъ, о которой ея однофамилецъ, знаменитый датскій критикъ Георгъ-Брандесъ, сказалъ: „въ Парижѣ меня очень любятъ и высоко цѣнятъ; только тамъ я зовусь Марта.“

Какъ ни интересна и слаба пьеса Марселя Прево, но она является гениальнымъ произведеніемъ сравнительно съ пьесой Сары Бернаръ „Un coeur du Homme“ („Сердце мужчины“), постановленной въ театрѣ Les Arts и уже закончившей свою эфемерную карьеру. „Великая Сара“ испытала все въ жизни: она подымалась на воздушномъ шарѣ со своимъ другомъ—знаменитымъ художникомъ Клережомъ; она охотилась на аллигаторовъ въ Сѣверной Америкѣ, на медвѣдей въ Россіи; на ея дачѣ въ Bello Isle у нея были ручные львы; она лѣпиль и рисуетъ; издаетъ свои мемуары. Наконецъ, ей захотѣлось быть драматургомъ. Казалось бы, съ ея сценической опытностью можно писать если не глубокии психологическія пьесы, то, по крайней мѣрѣ, пьесы, хорошо построенныя, обнаруживающія знаніе сцены. Вотъ-то и странно, что пьесы Сары Бернаръ

такъ слабо написаны, какъ будто бы авторъ никогда не видѣлъ рамы, не зналъ бы, что такое сценическіи подмостки. Мнѣ пришлось недавно читать пьесу одного юноши, которому едва минуло 18 лѣтъ и который далъ слѣдующее описаніе декораціи 1-го дѣйствія: „Сцена представляетъ роскошно-освѣщенную лѣстницу въ 56 ступеней.“ И все дѣйствіе происходитъ на верхней площадкѣ этой лѣстницы. Хотя въ пьесѣ Сары Бернаръ нѣтъ лѣстницы; но ея знаніе сцены такое же, какъ у этого юноши. Всѣ входы и выходы артистовъ абсолютно ничѣмъ не мотивированы; діалогъ вдругъ прерывается длиннѣйшими тирадами объ автомобиляхъ и о поэтессахъ. Одинъ изъ критиковъ справедливо задавалъ вопросъ: наяву или во снѣ онъ видѣлъ этотъ бредъ? Стояли разсказывать содержаніе этой фантазмагоріи? Въ двухъ словахъ оно сводится къ слѣдующему: знаменитый драматургъ Поль Соркуа слишкомъ любимъ своей женой Сабинной; но онъ съ своей стороны къ ней очень холодеетъ и вылазитъ пылкой страстью къ крестной матери своей жены прекрасной Жаннѣ-де-Вольерактъ. Последняя отплачиваетъ его любовь. Тогда Соркуа уходитъ изъ дома и вступаетъ въ связь съ актрисой Некоксъ, удивительно похожей на Жанну. Чтобы вырвать его отъ Некоксъ и вернуть его женѣ, Жанна соглашается стать его любовницей; но Сабина несколько не цѣнитъ этой жертвы и осыпаетъ ее упреками. Въ отчаяніи Жанна бросается изъ пропасть и этимъ оканчивается этотъ неаппетитный кошмаръ въ 4-хъ дѣйствіяхъ, который нисколько не уменьшилъ артистической славы гениальной Сары; но и не прибавилъ лавра къ ея вѣнку. Французская критика всегда очень снисходительная, на сей разъ ограничилась однимъ только пересказомъ пьесы. Одинъ изъ нихъ прекрасно резюмировалъ общее впечатлѣніе: „On ne juge pas la divinité; et Sarah est une divinité“. (божество не судятъ, а Сара божество).

В. Л. Бинштокъ.

Новая пьеса Юшкевича „Комедія брака“.

Письмо изъ Одессы.

Случайно какъ-то вдругъ выросло у насъ театральное событіе, о которомъ сейчасъ только и говорятъ. Недѣлю три тому назадъ почтеннѣйшій Сем. Юшкевичъ прочелъ группѣ мѣстныхъ журналистовъ и актеровъ свою „сочинительную“, какъ онъ самъ ее называлъ, пьесу „Комедія брака“, чтобы выслушать просвѣщенное „мнѣніе“... А уже сейчасъ „комедія“ эта разыгралась на сценѣ городского театра, захвативъ вниманіе „нѣкоторой“ публики, падкой до всякаго иллюзіона... Юшкевичъ читалъ свою новую пьесу, говорилъ, что она еще не обработана и онъ хочетъ только знать, какова вообще, по мнѣнію другихъ, ея фізіономія. Слушатели признали, что пьеса дѣйствительно должна „вылезать“, многое необходимо передѣлать, на многое наложить заплату, и лишь затѣмъ можно будетъ говорить о ея постановкѣ на сценѣ. И вдругъ „Комедія брака“—передъ зрителемъ. Необработанная, нерешенная... Развѣ зритель не съѣстъ? Развѣ разберетъ?...

И дѣйствительно, зритель съѣлъ. Не разобралъ. Много смѣялся, вызывалъ актеровъ, автора, режиссера... Почему, отчего?—не отвѣтилъ бы вамъ, вѣроятно, никто изъ тѣхъ, кто это съ такою кикъ будто бы ажитацией дѣлалъ. Не отвѣтилъ бы потому, что впечатлѣнія цѣльнаго, опредѣленнаго, яркаго, оцѣнѣннаго у него не получилось. Потому—что онъ не сможетъ сказать вамъ, что онъ видѣлъ комедію, шаржъ, сатиру или трагикомедію.

Въ сущности онъ видѣлъ все и ничего. „Комедія брака“ это не комедія, потому что Юшкевичъ притянулъ въ самыя яркія комедійныя мѣста за волосы драму. Это не сатира, топкая, уминая, острая и колючая, какъ классическія французскія сатиры, которыя всякій смотритъ съ необходимыми удовольствіемъ. Здѣсь нѣтъ для этого необходимой глубины, необходимого художественнаго проникновенія. Это и не шаржъ (комедія нравовъ), потому что въ шаржѣ не отравляются самымъ серьезнымъ образомъ, такъ, какъ это сдѣлалъ Мишювка и Соничка. Вы спросите, что же это? Вѣрите всего фелетонная импровизація на сценѣ. Притомъ фелетонъ еще не глубокой, газетный, такой, какой бы съ успѣхомъ написали О. Л. Л'Оры, Азовы, Незнакомцы, Дорошевичи. И безъ марки литературнаго кита, какимъ считаются все же Сем. Юшкевичъ. Если это не было видно расхвалившимъ „Комедію брака“ критикамъ до постановки то ясно видно теперь. Недаромъ же мой увлекающійся пріятель Пильскій такъ осторожно бѣжитъ отъ „Комедіи бракъ“ въ „Од. Нов.“ сейчасъ, когда она уже прошла въ гор. театрѣ.

Юшкевич и талантлив, и роскошно знает еврейский быт, и хороший художник, и не злоупотреблял до сих пор пером; но все же „Комедия брака“ слаба, и болящая ошибка со стороны писателя, что он поспешил показать ее публике. И явно, когда смотреть пьесу, положительно удивлялся этой ошибке писателя. Как будто нельзя было подождать и выправить немного?! Как будто новинка не успела бы съезжать хороших сборов через два месяца!.. Жаль тем более, что идеи пьесы безусловно интересна и заслуживает внимания.

Юшкевич хотел изобразить „Комедию брака“ в буржуазной среде, — излюбленное поле его художественного творчества. Еврейскую семью он, конечно, взял потому, что лучше всего ее знает. И на этой этнографической канве решил вышить свои обычные красивые узоры классовых противников и парвов. К сожалению, узор вышел очень бледным и слабым. Есть что-то и от „Детей Ванюшиных“, и от „Бернарда Шоу, этого благонамеренного и джентльменистого английского социалиста, и от многих других. Через каждые пять минут нам миллион женщин твердят, что они живут с чужими мужьями... Каждый раз вспоминается ревнивый, большой, мятущийся и неповянутый Ефим, муж Дорочки-изменицы. Затем почти комический, шаржированный, утрированный и консервированный г-жей Юрьевой тип — Гольдман. В общем, какой-то иллюзия, сыпавшийся былыми картинками. Даже для обычного театра ясно бросается в глаза сыпавшая кустарность нового произведения Юшкевича. И вedarом публика, которую расщекочивают первые два акта пьесы, уходит после четвертого разочарованной. Так уходили после „Женъ Айзана или „Сполоховъ“ Е. Тихонова. Жаль, что Юшкевич, который до сих пор не видел недостатков и разочарований публики, теперь с ними познакомился.

И думаю, что получилось бы еще более слабое и неопределимое впечатление, если бы исполнители оказались не такими образцовыми, какие были обнаружены в „Комедии брака“. Играли действительно превосходно. Ни у кого, кроме разве Ават. Давид. (Радина), незаметно было неестественности, такой натянутости и приторной деланности. Яркими живыми и сочными фигурами были и г. Гольдман (Степанов), и Янкевич (Оржик), и Дорочка (Юренева), и все те, разряженные à la гротеск толстые женщины Грабара, дамы, жившие к патентованному акушеру-мяснику Шелле. Даже ири были дети Гольфмана Гриша (г. Весенев) и Сеи (г-жа Райновская). Слишком много трагедий напустило только г. Незнамов (Мишневка). Каким-то рзким диссонансом вривалось в общую картину каждое появление актера перед зрителем. Было непонятно, как самому Гольдману, отъезжая такая сильная, чуть ли не гамлетовская, трагедия.

Постановка (Синельникова) интересная. Конечно, в одних только третьем акте, потому что в других все просто, несложно и бедно.

Пройдет пьеса у нас, в Одессе, втроем или одином раз. Но чувствуется, что только потому, что одесситам она слишком близка и понятна. Близки и понятны эти типы, эти нравы, весь этот этнографический узор. Впрочем, надо думать, что г. Юшкевич в Москву или Петербург пьесу не пошлет. Ведь се там все равно не поймут!

А. Ар—овъ.

Письма изъ Кіева.

Г-н Леонтьев, играющий Анатэму, молодой актер, уже в значительной мере оправдавший возлагавшиеся на него надежды. В его активе целый ряд удачно и разнообразно сыгранных ролей (в „Зимней сказке“, „Горе от ума“, „Эльга“, „Чортунки“ Амфитеатрера и других пьесах текущего репертуара). Но с героями г. Леонида Андреева симпатичный артист не справился. При удачной интерпретации отдельных сцен, в общем, артист не произвел впечатления той демонической силы, на которое рассчитывал автор. Огромная затрата физических сил и верного напряжения не привели, к сожалению, к положительным результатам.

Г-жа Пасхалова поставила в свой бенефис драму Бара „Звезда“ (Der Star). Несмотря на симпатии, которыми здесь пользуется артистка, достигнутый целый рядом понятий виртуозно сыгранных ролей, — творение г-на Бара привлекло мало публики в театр. Пьеса была известна по прежним постановкам. Нужно удивляться, зачем понадобилось возобновлять „Звезду“ — вещь весьма слабую, принадлежащую перу человека, не давшего ничего выдающегося сцене. При исходе достоинств его театральные рецензии и статей о театре, Герман Бар, как драматический писатель, абсолютно не представляет никакого интереса. Это, кажется, общая участь всех рецензентов. В разных городах и в разное время проваливались пьесы Леметра (вспомните

Саратов.

П. П. Струйский.

Антрепренеръ городского театра.

его „Старшую“), Катюша Мендена, Бара и Макса Нордау. У нас терпели фиаско покойный Кичеев и здравствующий П. М. Ярцев. И даже остроумнейший и тонко чувствующий наш театальный критик Ю. Д. Бэзнев написал очень слабую вещь („Путаница“), идущую в Суворинском театре в Петербурге.

Г-н Волховский предпочел для своего бенефиса сомнительного сорта новинкам старую пьесу, от которой повисло свежестью весны после удручившей атмосферы современного репертуара. Артист поставил „Гориче сердце“, и на этих ярких картинах зритель отдыхал душой после чприковской и тихоновской дребедени. К сожалению, для исполнения пьесы в труппе не нашлось подходящих актеров, и авторский текст был использован далеко не в полной мере. Но и в таком виде нельзя не приветствовать постановку на нашей сцене „Горичаго сердца“. А киевская публика не посещает Островского, предпочитая смотреть в кручининском театре призывы пьески Кайявэ и Флэра. Их „Бурлаков осел“ дѣлает здесь полные сборы. Дирекция театра настолько доверяет обаянию имен Кайявэ и Флэра, что приписывает им для привлечения публики чужие пьесы. Недавно анонсировалась комедия Тако „La petite Chocolatière“ под видом новой пьесы Кайявэ и Флэра, автором „Бурданова осл“. Этот „милый“ прием характерен для деятелей провинциального театра, весьма неразборчивых в средствах для привлечения публики.

Труппа у г-на Кручинина слабая: весь репертуар выносятся на своих плечах два актера и две актрисы. На обстановку и декорацию тоже, к сожалению, скупятся, предпочитая пользоваться старым имуществом театра Бергове и в экстренных случаях брать напрокат из мебельного магазина. Нужно удивляться, как при данном положении дѣла режиссер труппы г-н Строев умудряется ставить такое большое количество пьес и достигает при подобных условиях сравнительно хороших результатов. Все дело держится на немъ.

Я. Майский.

Провиція.

Баку. (Отъ нашего корреспондента). Пьеса Л. Андреева „Анатема“, была поставлена у нас с переменным составом в ролях Анатэмы и Лейзера. Оба спектакля прошли с успехом, и пьеса общается даже еще не один сбор. Без сомнения, игра Костромского—Анатэма и Аксенова—Лейзер заслуживают внимания как артистов, приложивших не мало труда на создание типов; но нельзя поставить в вину им не особенно удачную передачу той гибкости, которую требуют эти два высоко художественные роли ибо всякий артист понимает подобную роль по своему. Г. Рузавев—Анатэма и Любин—Лейзер пошли дальше и дали более законченные типы.—Быть может, отдалка таковых произошла вследствие того, что эти артисты играли во второй раз, когда были отменены некоторые дефекты, но факт тот, что роль Анатэмы в исполнении г-на Рузавева прошла лучше и артист умело выказал ту гибкость и нерядность Анатэмы, которая задумал автор. Г-н Любин—Лейзер также дал законченный тип еврея, никогда бы жизни не

видѣвшего не только двухъ миллионъ долларовъ, но и нѣсколькихъ свободныхъ рублей, и думавшаго, что для облагодѣтельствованія всего міра хватитъ съ излішкомъ полученное имъ наслѣдство. Простота игры артиста подкупала зрителей, одновременно переживавшихъ трагическіе моменты жизни Лейзера, жаждающаго оказать помощь во время своего безпомощнаго состоянія. Успѣхъ пьесы вполне раздѣляла Дубровская, передавшая точно типъ жены, боготворящей и любящей своего пажошнаго мужа Лейзера. Пьеса „Сатана“ въ передѣлкѣ Шенъ была поставлена въ бенефисѣ Рузаева. Пьеса въ виду затиюности антрактовъ не произвела заслуживающаго впечатлѣнія, дословный нехудожественный пе-

Харьковъ. Городской театръ.

„Фея Капризъ“.

С. Н. Надеждинъ — баронъ Фрикъ.

реводъ портитъ эту дивную пьесу. Г. Рузаевъ въ роли Сатаны выказалъ опять свою хорошую игру. Создавая этотъ типъ, артистъ постарался сдѣлать всевозможное, и дѣйствительно тонкіе штрихи подхода Сатаны со всѣми его нюансами были особенно почеркнуты артистомъ. Г-нъ Аксеновъ въ роли ребѣ Гершеля былъ слабъ, но видна была усталость, и это понятно при ежедневной игрѣ и режиссурѣ. Надо думать, что слѣдующій разъ г. Аксеновъ сыграетъ роль такъ, какъ присуще такому талантливому артисту. Съ успѣхомъ провели роли Любинъ—отца, Дубровская—жены—старухи, Айвазовская—второй жены, Раміна—Цины, Костромской—ткача и Воронцова—его жены.

Былъ у насъ проѣздомъ извѣстный собиратель мотивовъ каторжанъ Гартевельдъ, который далъ одинъ концертъ, объ успѣхѣ котораго лучше не говорить.

Труппа Каширина выѣзжала на одинъ мѣсяцъ съ 20-го декабря по 20-е января въ Эривань и Батумъ.

Театръ Тагіева сланъ на одинъ годъ М. В. Тагіеву за 25 тысячъ рублей, который въ свою очередь сдалъ на зимній сезонъ 1910/11 годъ г-жѣ Боярской за 12 тысячъ рублей, безъ вѣшалки.

И. Пресманъ.

Житомиръ. (Отъ нашего корреспондента). Дѣла Итальянской оперы въ городскомъ театрѣ среднія. За 15 спектаклей взято около 5000 руб., т.-е. слишкомъ по 330 руб. на кругъ. Изъ шедшихъ у насъ оперъ съ крупнымъ художественнымъ успѣхомъ прошли оперы: Фаворитка, Эрнани, Богема и Манонъ Леско (Пуччини). Выдающимся успѣхомъ пользуются у насъ Батталони (сопрано), Балькони и Прокаччи (тенора) и Дзонни и Балони (баритоны). Хоръ мужской необыкновенно хорошии, зато женскій гораздо слабѣе. Отсутствие балета нѣсколько нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія. Труппа остается лишь до 1-го февраля, когда ее смѣнитъ оперетка Рафальскаго.

Анонсированъ концертъ Каміонскаго (извѣстн. баритона) при участіи пѣвицы Перекрестовой.

Г. Ваксъ.

Калуга. (Отъ нашего корреспондента). На святкахъ открыла свои дѣйствія праздничнымъ репертуаромъ труппа г. Томскаго, смѣнившая труппу Д. И. Басманова. Материальный успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. Выручено съ 26 декабря по 6 января 8000 руб. Было бы ошибочно думать, что успѣхъ зависѣлъ отъ высокихъ достоинствъ труппы. Привлекали маскарады, елки и... шалая публика—торговый классъ по преимуществу. Труппа г. Томскаго подобрана не совсѣмъ удачно, главнымъ образомъ со стороны мужского персонала,

который отличается слабосиліемъ, небрежностью, доходящею до полнаго незнанія ролей, отсутствіемъ актеровъ на серьезныя драматическія роли. Нѣкоторой вдумчивостью и осмысленностью выдѣляются гг. Никитинъ-Фабіанскій, Бородинъ (комикъ) и Томскій. Женскій персоналъ, наоборотъ, составленъ изъ очень добросовѣстныхъ и солидныхъ силъ; изъ нихъ лучшими являются г-жи Рустанова, Перовская, Булдина, Карелли и Чарская. Въ самое послѣднее время приглашена на ампула героиня г-жа Германовская—артистка съ большимъ художественнымъ дарованіемъ и прекрасной сценической вѣщностью. Для перваго выхода примадонны была поставлена Зудермановская „Родина“ и... провалилась, благодаря плохой игрѣ и незнанію ролей господами Смирновымъ и Васильковымъ. Жаль было смотрѣть на г-жу Германовскую, попавшую въ тиски грубѣйшей профнаціи искусства, но, по счастью, у артистки настолько хватило самообладанія и собственныхъ силъ, что она съ честью вышла изъ этихъ леденящихъ тисковъ.

Отмѣчаемъ рѣдкое явленіе въ театральномъ мірѣ. Изъ виленскихъ газетъ мы узнали, что мѣстный театальный советъ назначилъ главному режиссеру Виленскаго театра Ѳ. А. Строганову тысячу рублей какъ премію за безупречное выполненіе режиссерскихъ обязанностей. Такая щедрая награда со стороны муниципалитета—большая рѣдкость. Въездъ и выѣздъ въ Калугу въ особенности, отцы города смотрятъ на театръ, какъ на доходную статью и менѣе всего склонны цѣнить и поощрять денежными наградами артистовъ художниковъ.

А. Семеновъ.

Кіевъ. Въ понедѣльникъ, 18-го января, въ городскомъ театрѣ состоялся интересный спектакль на основаніе фонда для дальнѣйшаго образованія дѣтей покойнаго бывшаго режиссера Я. В. Гельбота. Поставлены были „Сельская честь“ и „Каморра“. Въ заключеніе—концертное отдѣленіе. Въ спектаклѣ и концертѣ участвуютъ: г-жи Брунь, Болховская, Ванъ-Бринъ, Валицкая, Воронецъ, Инсарова, Лелина, Лидина, Чалѣва, Шмитъ; гг. Боссе, Брыкинъ, Блюменталь-Гамаринъ, Еладковъ, Каміонскій, Каржевскій, Лаврецкій, арт. имп. театр. Медвѣдевъ, Максаковъ, Мурскій, Орѣшквичъ, Павловскій, Селявинъ, Тихоновъ, Цесевичъ и др.

Кисловодскъ. „Нов. Русь“ сообщаетъ, что на-дняхъ въ Кисловодскѣ, въ помѣщеніи музыкальнаго барака, передъ началомъ 2-д. пьесы, поставленной мѣстными любителями драматич. искусства, около сцены появился кисловодскій полицейскій приставъ Шахъ-Мурзиевъ и громко провозгласилъ: — Прошу вниманія!

Наступила тишина, и приставъ повелѣ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ:

— Обращаюсь къ гг. любителямъ и прошу не допускать здѣсь пьянства и безобразія. Если эта мѣра не будетъ исполнена, буду вынужденъ закрыть вамъ этотъ театръ, что было бы очень нежелательно. Еще разъ предупреждаю, что если моя просьба не поможетъ, то знайте, господа, у насъ найдется и палка!..

Одесса. Закончившимся въ Гор. театрѣ полумѣсяцъ (съ 30 по 14 янв.) оказался въ материальномъ отношеніи блестящимъ: взято за 15 дней до 15.000 руб., что составляетъ по 1.000 руб. на кругъ. М. Ф. Багровъ заработалъ за этотъ полумѣсяцъ чистыми до 4.000 руб.

— Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, гг. Сибиряковъ и Навроцкій подписали договоръ, по которому съ 15 іюля 1910 г. Сибиряковскій театръ снова переходитъ къ А. И. Сибирякову, завѣдывавшему театромъ только первый годъ существованія и положившему начало постоянной драмѣ въ Одессѣ. Г. Сибиряковъ рѣшилъ еѣ предстоящаго сезона культивировать снова въ этомъ театрѣ драму. Опасаются однако, что намѣреніе г. Сибирякова не осуществится, такъ какъ невѣдомыя силы, руководящія судьбами Гор. театра, добиваются всяческими способами того, чтобы постановленіе гор. управы о постоянной оперѣ въ Гор. театрѣ не получило практическаго осуществленія.

— Съ 25 января въ театрѣ И. Ѳ. Островскаго готовятся гастроли М. В. Дальскаго.

Пятигорскъ. Обществомъ любителей оркестровой и камерной музыки въ декабрѣ прошлаго года два раза была поставлена опера Верди „Травиата“—при полныхъ сборахъ.

Какъ оркестръ, такъ хоры и солисты состояли почти всѣ изъ любителей.

Судя по подробнымъ отзывамъ мѣстной печати, изобильный успѣхъ имѣли оркестръ подъ управленіемъ капельмейстера г-на Ихальчикъ, хоръ мужской и женскій.

Изъ исполнителей отдѣльныхъ партій—г-жи: Листъ (Віолетта), Тишь (Флора), Трумпельдоръ (Наннина), г-да Коджанин (Альфредъ) и Вербовъ (отецъ Альфреда); сопетовка и постановка тщательная, ансамбль хорошій.

Общество приходитъ на помощь въ дѣлѣ культурнаго развитія публики въ такихъ медвѣжьихъ углахъ, какъ Пятигорскъ зимой, гдѣ нѣтъ даже постоянной драматической труппы.

Мѣстные любители драматическаго искусства насчитываютъ среди своихъ членовъ кружка достаточно талантливыхъ исполнителей, но, къ сожалѣнію, за зиму эту сыграли три-четыре спектакля съ благотворительными цѣлями.

А могли бы сдѣлать очень многое, если бы ладили между собой.

А. И. Чайкинъ.

Полтава. (Отъ нашего корресп.). Снятіе съ репертуара „Анатэмы“ причинило гастролирующей у насъ труппѣ Д. И. Басманова значительные убытки, такъ какъ дирекціей затрачены были большія деньги на декорацию, костюмы и проч.

„Анфиса“ прошла въ исполненіи труппы Басманова 2 раза при полныхъ сборахъ.

Вообще спектакли труппы Басманова проходятъ у насъ съ большимъ матеріальнымъ и художественнымъ успѣхомъ. У мѣстной публики уже есть среди труппы свои „любимцы“, и ихъ встрѣчаютъ тепло, громомъ аплодисментовъ.

Лучшими силами труппы безусловно слѣдуетъ считать г-жъ Степуну, Мравину и г.г. Боринца, Берже, Ермакова и Доборинскаго.

Режиссируетъ опытная рука г. Басманова, и спектакли и по выбору пьесъ, и по выполненію носятъ чисто художественный характеръ.

Я. де-Брау.

Ростовъ-на-Дону. На будущій сезонъ въ труппу О. П. Зарайской въ театръ Асмолова кончили: г-жи Кварталова, Баймакъ, Астахова, Самборская, Кручинина, Валуа, арт. Нип. театровъ Валеттинова, Кудрявцева, гг. Н. Н. Васильевъ, Валуа, Пѣвцовъ, Сашинъ. Режиссеромъ приглашенъ М. Т. Стровъ. Со многими ведутся переговоры.

Тифлисъ. (Отъ нашего корреспондента.) М. А. Долиновъ кончилъ на предстоящіе сезоны къ В. И. Никулину (Селастополь-Тифлисъ).

Симбирскъ. (Отъ нашего корреспондента.)—Святочные дни по обыкновенію отличались у насъ наплывомъ всякаго рода развлеченій: спектакли въ театрѣ (утромъ и вечеромъ), концерты, лотереи, маскарады..

Праздничный репертуаръ въ театрѣ несложенъ, если исключить изъ программы „Братьевъ Карамазовыхъ“ съ г. Дементьевымъ—Митей, „Катерину Маслову“—съ Петровой—Катюшей и г. Деттиревымъ—Нехлюдовымъ, „Графа де-Рп-зора“—съ бенефицианткой Олей Стояновой (Довла Долоресъ) и Либакowymъ-Ильинскимъ—де-Ризоръ—во главѣ.

Остальное: „Дѣти капитана Гранта“, „Волшебные талисманы“, „Тарасъ Бульба“ и т. д.—вещи чисто праздничныя.

Повторили и „Петра Великаго“,—очевидно, для того, чтобы лишній разъ показать хорошаго Петра—В. И. Дементьева, имѣвшаго огромный успѣхъ въ этой роли на первомъ представленіи пьесы, состоявшемся 20 декабря.

Съ другой стороны, лишній разъ было подчеркнуто полное отсутствіе дисциплины среди статистовъ, участвовавшихъ въ „Петрѣ Великомъ“,—вносившихъ полную перазбериху въ массовыя сцены и вызывавшихъ смѣхъ у посѣтителей зрительнаго зала.

Ник. Гладковъ.

Харьковъ. Харьковъ считается культурнымъ городомъ, очагомъ просвѣщенія, а между тѣмъ ни одинъ, кажется, губернский городъ не проявляетъ такого равнодушія къ чтенію памяти великихъ людей, какъ нашъ. Въ тотъ день, когда вся Россія чтитъ пятидесятилѣтіе со дня рожденія одного изъ своихъ крупныхъ и близкихъ, родныхъ и дорогихъ ея измученному сердцу писателей,—А. П. Чехова, только третья городская чайная устроила у себя Чеховскій вечеръ; всѣ же другія учрежденія, общества, театры стоятъ внѣ общей дани памяти писателя. Бѣдный А. П.! Какой бы грустью проникся его взоръ, если бы при жизни онъ былъ свидѣтелемъ такого же отношенія нашихъ театровъ къ памяти какого-нибудь изъ писателей, такъ же, какъ и онъ, вложившаго цѣнный вкладъ въ русскую драматическую литературу!

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
И ЦѢНИТЕЛИ
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое — ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
Средней слад. — ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC,
Мало сладкое — ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC, EXTRA
Безъ сладости — ИРРУА-БРЮТЪ. — TRÈS SEC

ИРРОУ

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА

1910
годъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный театральный богато иллюстрированный журналъ

РАМПА и ЖИЗНЬ

подъ редакціей

НА

1910
годъ

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(созданы сценаріевъ дѣятеley) въ статьяхъ LOLO, съ портретами и шаржами And'ra, П. Малюткина, Д. Мезьникова и друг. Самаа липрокія освѣдѣленность. ❖ Сипики и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ❖ Эскизы для грима и декораций. ❖ Портреты сценнч. дѣятеley. ❖ След. фотографіи всѣхъ новшквъ Художественнаго театра. ❖ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52

большихъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, варисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты въ всѣхъ западно-европейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересыл.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу — вдвое. Объявленія впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка пята.

Главная контора журнала: Москва, Вропшак, Вольш. Козикинскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у П. И. Почковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, П. О. Вольфа и др. ❖ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится: въ Петербургѣ—Цескій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ—кіоски Альтшлера; въ Кіевѣ—книжн. маг. Д. Падиковскаго; въ Саратовѣ—книжн. маг. Суворина; въ Твери—кіоскъ Коротьева; въ Казани—у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елисаветградѣ—у Д. Закаса; въ Пятигорскѣ—у А. И. Чайкина; въ Чернасахъ—у Х. Скловскаго; въ Смоленскѣ—книжн. маг. Лобкина; въ Симбирскѣ—у Гладкова; въ Елисаветградѣ—книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ—газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ—театр. библ. Ваксортъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Аккордъ“.

Въ субботу 23 и въ четвергъ 28 января

„МЕЛКІЙ БѢСЪ“.

24-го января утромъ спектакль по умен. цѣнамъ

„У ЦАРЕВНЫ ДИНЬ“

вечеромъ „ЭРОСЪ и ПСИХЕЯ“.

25-го, 26-го, 27-го, 29-го и 30-го января

Новая пьеса Л. Андреева „АНФИСА“.

Нач. въ 8 ч. веч.

Администраторъ С. И. Годзи.

САШИ ГИТРИ.

Новый театръ, залъ Купеч. собр. (М. Дмитровка, соб. домъ).

28-го янв.: „Нолу“, ком. въ 3 д. „Le Muffe“, пьеса въ 2 д. 29-го янв.: „Chez les Zouaves“, ком. въ 3 д. „Le Kiotz“, др. въ 1 д. 30-го янв.: „Petite Hollande“, ком. въ 3 д. „Tout est sauvé hors d'honneur“, ком. въ 1 д. 31-го янв.: „Le scandale de Monte-Carlo“, ком. въ 2 д. „Le Muffe“, пьеса въ 2 д.

Всѣ пьесы соч. Саши Гитри. О НАЧАЛО въ 8 ч. веч.

Предв. пролажи въ общ. театр. кассѣ, Петровскій лин., Телеф. №№ 207-89, 156-85, съ 17-го янв., отъ 10 до 6 ч. веч. Адм. Е. Шмукловская.

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина.

Въ воскресенье 24-го января

„ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ“.

Оперетта въ 3-хъ дѣйств. Эккерта.

Въ среду 27-го января

бенефисъ премьеры труппы Ю. С. МОРФЕССИ.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

Пьесы-сказки Н. Г. Шкляра

1) У Царевны-Динь, въ 4 дѣйств. съ прологомъ (идеть въ театрѣ Незлобина).

2) Домикъ-Крошка въ два окошка, въ 5 дѣйств. (шла въ Божьомъ Императорскомъ театрѣ).

3) Невѣдомое царство, въ 3 дѣйствіяхъ и 7 карт. (шла въ театрѣ Корша).

Можно получать въ конторѣ „Рампы и Жизни“.

Художественно-ДРАМАТИЧЕСКІЕ курсы артистки Е. И. Пальминой,

подъ завѣдываніемъ артиста Б. К. Павлюковскаго.

Преподаватели АРТИСТЫ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ:

А. А. Левшина, И. А. Рыжовъ, Н. Ф. Манохинъ; преподав. Н. П. Кашинъ и арт. Б. Н. Павлюковскій.

Со второго полугодія открыть пріемъ на общедоступный классъ специально сценической практики.

Пріемъ ежедневно, отъ 11—1 ч. дня и 5—7 час., у завѣдующаго курсами: Москва, Тверская, М. Гнѣздииковъ пер., домъ Смирнова, кв. № 18.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.

Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТЫ агентства кассы: Мясницкая, д. Лютцовою. Варшавскій пріучеб. магаз., тел. 80-58; Большая Полянка, д. Феррейтъ, магаз. Куликова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 52, антикарек. магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., уг. Грузинской ул. магаз. Каледкинъ, тел. 167-60; Таганка, д. Чижова, магаз. Блюхъ. Продажа билетовъ въ театры: Зимина, Корша, Незлобина, Театръ Лебедева и др.

„РАМПА и ЖИЗНЬ“

ВЫСЫЛАЕТЪ

Алчущій знаменія (Гласъ Божій), др. въ 3 д., пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. Арсенъ Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ, пьеса въ 5 д. и 7 к. пер. съ фр. Ц. 2 р. Брачная ловушка, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Бѣлые вороны (Хищники), пьеса въ 5 д. А. Вершинина. Ц. 2 р. Вожди, эпизоды въ 5 д. кн. Сумбатовъ. Ц. 2 р. Гордость города, ком. въ 5 д. Г. Вида. Ц. 2 р. За старый грѣхъ (Подозрительный), пьеса въ 4 д., пер. съ нѣмц. Ц. 2 р. Золотая свобода, ком. въ 3 д., пер. Громаковской. Ц. 2 р. Израиль, пьеса въ 3 д. Бернштейна. Ц. 2 р. Клятва гроба, др. въ 4 д. Лисенко-Коннычъ. Ц. 2 р. Король воровъ (Послѣдн. приключ. Шерлока Холмса), пьеса въ 5 д. П. де-Курсель. Ц. 2 р. Ничтожная женщина, пьеса въ 4 д. О. Уайльда. Ц. 2 р. Оксана Зозуля, ком. въ 3 д. Федоровича. Ц. 2 р. Обрывъ, др. въ 5 д. по ром. Гончарова. Ц. 2 р. Освобожденные рабы, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Ровно въ полночь, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Очагъ, пьеса въ 3 д. Ок. Мирбо. Ц. 2 р. Сторожевые огни, ком. въ 4 д. С. Разумовскаго. Ц. 1 р. Сыскныхъ дѣлъ мастеръ, фарсъ въ 3 д. Горста и Норини. Ц. 2 р. Приключенія Арсена Люпена, пьеса въ 4 д. Ц. 2 р. Поди сюда, ком. въ 3 д. Тестони. Ц. 2 р. Попечитель благотворныхъ дѣвицъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Поцѣлуй Іуды, пьеса въ 4 д. С. Бѣлой. Ц. 2 р. Фигурный листокъ, фарсъ въ 3 д. Ц. 2 р. Чортъ (Дьяволъ), ком. въ 3 д. Моля нара. Ц. 2 р. Шалости молодоженовъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Шестая держава (Газетный миръ) пьеса въ 3 д. Ж. Турпера. Ц. 2 р. Шуты, ком. въ 4 д. Замаконса, пер. Lolo. Ц. 1 р. Крошка Дорритъ, ком. въ 3 д. Ор. Шентана, пер. Э. Э. Матерна. Ц. 60 к. Клубъ самоубійцъ, пьеса въ 2 карт. А. Дюпюльта, пер. Э. Матерна. Ц. 75 к. Семь вороновъ, волш. сказка въ 4 д. съ нѣмц. М. В. Шевлякова (для утр. сѣск.). Шалости нажда, ком. шутка въ 4 д. (для дѣтск. утр. спектаклей).

На аккуратность высылки пьесъ обращено особое вниманіе.

Вышелъ сборникъ

СЕРГ. МАМОНТОВА

„ПЯТЬ ПЬЕСЪ“

„Смерть Пушкина“, „Въ сельцѣ Отрадномъ“, „Цѣною крови“, „Сочельникъ“ и „Охота“.

Цѣна 1 р.

Складъ изданія въ типографіи Т-ва И. Н. Кушнерева, Москва, Пятовская ул., и въ конторѣ журнала „Рампа и Жизнь“. Тамъ же ищется кнѣга того же автора: „По бѣлу свѣту“.

ВЫШЛА НОВАЯ ПЬЕСА

„Въ весеннихъ лучахъ“

С. И. КРЕЧИНИНА, въ 4-хъ дѣйств. Пьеса написана въ свѣтлыхъ тонахъ и изображаетъ жизнь новыхъ бодрыхъ людей.

Обстановка простая: комната и садъ.

Ролей 7: мужскихъ—5 и женскихъ—2.

Пьесу можно получать только въ театр. библиотекѣ М. А. Соколовой, Москва, Газетный п., д. Фальцъ-Фейнъ.

Цѣна 2 р.